
ИРИНА
ЛОБАНОВСКАЯ
Семейные тайны
У счастья, как у людей,
свой возраст. Оно бывает
маленьким, юным и зрелым...
НЕЗЕМНАЯ
ДЕВОЧКА

Ирина Игоревна Лобановская
Неземная девочка

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591027
И.И. Лобановская «Неземная девочка», серия «Семейные тайны»: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2007
ISBN 978-5-9524-2606-1

Аннотация

Внезапная смерть школьного приятеля, бывшего возлюбленного, словно встряхнула Нину, вытолкнула ее из спокойного течения привычной жизни Она не задумывалась, счастлива или нет. Для нее стало необычайно важно не только понять все обстоятельства странной гибели одного из самых близких ей людей. Молодая женщина нуждалась в ответе и на другой, самый важный в жизни вопрос остались ли в ней еще силы, чтобы по-прежнему жить в согласии с самой собой, верить, надеяться, любить!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 19
Глава 3 31
Глава 4 47
Глава 5 66
Глава 6 78
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Ирина Лобановская
Неземная девочка

Памяти моих родных и близких

Глава 1

Хоронили Борьку Акселевича.

Тридцатитрехлетний корреспондент центральной газеты, занимающийся криминалом, вечно влезающий в чужие преступления и разборки, переживший уже два инфаркта, умер в командировке, в калужской гостинице.

Думали, третий инфаркт, но вскрытие его не подтвердило, и следствие быстро зашло в тупик. Стали предполагать отравление. В номере Акселевича перед его смертью двое неизвестных долго и шумно спорили о чем-то с Борькой. Вот только следов отравления патологоанатомы тоже не нашли.

Привезти мертвого Борьку в Москву оказалось сложно и дорого, пока не вмешалась державшаяся из последних сил Нина, врач, единственная из всех женщин Акселевича признанная в его доме. И то лишь потому, что свой медик – находка.

Принимали здесь всегда плохо. Даже Борькину жену Зиночку, с которой он познакомился в Симферополе и которая

из-за сложных отношений с семьей мужа так там и осталась, в дом не впустили. Зину беспричинно не хотели видеть и знать.

Акселевич и Зиночка вместе только отдыхали, а когда она приезжала в Москву, всегда останавливалась у Борькиных приятелей. У него их было много, может быть, даже чересчур: одноклассники, однокурсники, коллеги… Не счесть. Он словно протестовал этой многочисленностью против замкнутости и узости своего дома. Родительского дома, ставшего для Бориса единственным.

Борька столкнулся с Зиной на мокрой улице, показавшейся ему какой-то простуженной. Там чихали уставшие от жизни дома и кашляли кособокие и сутулые фонари. Девушка закрывалась зонтом и почему-то непрерывно наступала на лужи. Акселевич внимательно присмотрелся к ее оплеванным грязью ногам, – было ясно, что, если во всем городе останется хоть одна крошечная лужица, эта крымчаночка в нее обязательно попадет. И задумчиво поднялся взглядом повыше. Кофточка с какими-то зигзагами, похожими на разряды полыхающей холодным, яростным огнем молнии…

– Вопрос можно? – спросил Борис и не стал дожидаться ненужного ему ответа. – Носите на себе графики кривых весенних гроз? И понимать их, думаю, следует эдак: «Не подходи – убьет!» Да? А ишшо нередко встречаются дамы, олицетворяющие собой надпись: «Вход воспрещен».

Некрасивая и нелепая мешанина просторечий и стилистических изысков…

Незнакомка удивилась, осторожно отвела низко нависший надо лбом зонт, взглянула на приставалу и неожиданно смутилась. Зонтик тотчас же зацепился за ветки дерева. Нервно отцепляя его, девушка постаралась на ходу сориентироваться и привести себя в норму. И в соответствие своему внезапному, изрядно вымокшему кавалеру.

– Вопрос оцениваю как удачный. Что дальше? Будут какие-нибудь другие версии?

– Между прочим, осторожнее с зонтиком: он сейчас у вас может сломаться! – посоветовал заботливый Борис и нежно взял крымчаночку за локоть.

Локоть вырывать не стала – хороший признак.

– Ну, даже если сломается, ничего страшного: он китайский, – отозвалась забрызганная.

– А куда вас проводить? – спросил нетерпеливый Борька.

Он всегда спешил, словно предполагал, предчувствовал, что именно так ему и нужно. Продиктованная свыше, нашептанная ему бессонными ночами мысль бродила в тайниках сознания назойливо и неизменно. «Сколько, сколько, – думал Борис, – сколько мне еще осталось, сколько?…»

Ответа на этот вечный вопрос дать ему никто не мог.

Незнакомка растерянно ткнула пальцем в сторону остановки:

– Вот сюда…

Они стояли совсем рядом с потемневшим от дождя, готовым рухнуть на голову пассажиров козырьком.

Дождь превратился в сплошной ливень. И вдруг под ним на улице появилась поливальная машина. И самое умилительное – стала поливать.

– Трогательно… Им воду девать некуда. И это в безводном Крыму, – пробормотал Акселевич. – Да-а… Крым… Сентябрь… Бархатный сезон, – лениво задумался вслух Борис. – Я приезжаю сюда исключительно в расчете на все эти волшебные составляющие. И что нахожу? Ха! Сырость, грязь и мерзкий ветер откуда-то с моря… Вот тебе и вот!

– А ветер, он всегда с моря… – прошептала крымчаночка, все-таки безуспешно попытавшись освободить локоть.

Борька глянул на нее с новым интересом. Симпатичная лапочка. И до крайности похожая на главную героиню известной новеллы Мопассана.

– Ишь ты подишь ты… Вопрос можно? У вас есть какая-нибудь комбинация букв, по которой вас можно было бы узнать?

Девушка вновь озадаченно и недоуменно уставилась на Акселевича. Он опять глянул на нее искоса. Удивительно нежная и свежая полнота, на редкость милая… На каждое слово Бориса крымчаночка расцветала непонятными, но приятными ему испугом и улыбкой. Такую обнимать – придется руки пошире разводить. Но это тоже приятно.

Дождь нудно долбил по зонту, по защитному армейскому

плащу Борьки, по меланхолично-покорному судьбе асфальту…

– Ну, говоря попроще… Я имею в виду: как вас зовут?

«Парень с вывертами, – подумала Зиночка. – Откуда такой свалился на мою голову?»

– Зинаида, – сказала она. – А вы отдыхать приехали? Тогда вам действительно не повезло. У нас осень не кавказская, раз на раз не приходится. В этом году дождей море.

– В командировку, – сообщил Акселевич и потянул Зину к подплывающему троллейбусу, преисполненному утомленной важностью и сознанием своего нелегкого долга.

Народа внутри было мало. Курортники дружно сбежали от дождей, рабочий люд трудился – день будний, а пенсионеры выжидали почти у моря погоды, чтобы, наконец, добрести до ближайшего магазина.

– Вы ходите без зонта. – Зиночка щелкнула своим китайским, закрывая его и быстро взбегая по ступенькам троллейбуса. Она мельком окинула одобрительным взглядом густую, торчавшую вверх жестким серым гребнем шевелюру неожиданного поклонника. Зине не нравились лысеющие и лысоватые мужчины. – Не боитесь простудиться?

– Я в этой жизни уже ничего не боюсь, – снисходительно отозвался Акселевич.

– А в той?

– В той… – Борька пробил два билета. – В той… Ха! Стараюсь об этом не думать. Это особь статья. Да, я ведь не

представился… Пардон… Борис. Ваш покорный слуга. А в остальном не был, не имею, не привлекался!.. Между прочим, Зиночка, если бы меня в свое время спросили, хочу ли я появиться на этот свет, я бы ответил отрицательно. А вы? Стой мене или нет?

Зина снова растерялась. Среди ее крымских знакомых такого загадочного и необычного, странно философствующего типа до сих пор не попадалось.

– Я никогда об этом не думала, – призналась она. – Живу себе и живу… А вы чем занимаетесь?

Акселевич тотчас напустил на себя безмерно значительный вид.

– «Однако жизнь всегда прекрасна, уж потому, что смерть страшна». Пер Гюнт. А приехал я сюда по заданию газеты «Красная звезда». Собирать материал.

– Вы корреспондент? Военный? – Зина с большим уважением вновь окинула взглядом его жесткий армейский плащ, царапающий ее своим краем.

Колготки, подумала Зиночка и украдкой глянула вниз, на свои забрызганные до колен ноги. А, плевать! И на колготки, и на ноги!

– Это все потому, что ты не косолапая! – часто издевался младший брат Валерка. – Косолапые никогда не брызгаются. Была у меня одна такая знакомая… – И он мечтательно суживал глаза.

Легкомысленный Валерка без конца шатался по прожжен-

ным пляжам, мгновенно знакомился и дружился и так же стремительно оставлял новых краткосрочных приятельниц. Зине не нравилась его жизнь.

В промежутках, отдыхая от романов, Валерка кое-как учился в университете, собираясь стать, конечно, великим экономистом.

– Финансист! – в свою очередь насмехалась над братом Зина. – Титан! Ты всерьез рассчитываешь пробиться и выделиться среди этого бесконечного потока новых экономистов? Да их уже давно перепроизводство! Девать скоро будет некуда!

– Куда-нибудь денусь, – безмятежно отзывался Валерий.

– Мне цыганка предсказала необычную любовь, которую я встречу на юге, – сообщил Борис и опять ласково завладел Зининым безропотным локтем.

Борькины методы общения с прекрасным полом отличались хорошо отработанной, опытной вкрадчивостью и великолепной убежденностью, что ни одна дама на свете ему не в силах отказать. Почему-то все без исключения этому верили.

– А-а, – понимающе пропела Зиночка. – А мне цыганка предсказала важнейшее открытие в области квантовой механики касательно притяжения элементарных частиц и кварков.

Пришла очередь растеряться ее новому густоволосому знакомому. Зина Крупченко была тоже не простая плюшка.

– Так вы, оказывается, физик? – уважительно поинтересовался он. – Ишь ты подишь ты…

– Да нет! – отказалась Зина. – Это папа. А я филолог, изучаю американскую культуру.

– Вот тебе и вот! – хмыкнул Борис. – Американскую культуру? Интересное заявление. Своеобычное. Это все равно что изучать банановые плантации Чукотского округа.

Он провел рукой по мокрому жесткому серому гребню волос. Вновь внимательно осмотрел Зину. На все про все у Акселевича оставалась неделя в Крыму – неплохой запас времени.

Несмотря на все выверты семьи, Борька любил родителей и старших брата и сестру. И его протест против их давления казался совсем безотчетным, почти незаметным, скрытым до поры до времени. Неловкая, слабая попытка утверждения в той жизни, которой у него оказалось так мало. Ничего не позволяя себе дома, Борис в своем самоутверждении доходил до крайностей за его порогом. Особенно увлекался он женщинами. Они легко привязывались к нему: высокому, некрасивому, спокойному и уверенному.

Старшие Акселевичи, изрядно помотавшись по стране – Алексей Демьянович был военным, – осели в Москве уже с тремя детьми: Аллой, Алексеем и Борькой. Жили в коммуналке, где получили две комнаты. А когда в квартире освободилась еще одна – умерла одинокая соседка – и эту ком-

нату тоже дали Акселевичам, нежданно-негаданно в столице объявился давний однополчанин Алексея и слезно попросил, прямо-таки взмолился пустить его временно пожить в эту девятиметровую комнатенку.

Акселевичи, так долго ждавшие улучшения и планировавшие переселить в третью комнату Аллу, которой стало совсем негоже жить вместе с братьями, стушевались. Они были добрыми людьми.

– Что делать будем, Оля? – спросил жену Алексей Демьянович. – Жалко Петьку-то…

– Жалко… – тихим эхом послушно откликнулась Оля.

И вечером того же дня безмерно благодарный и сияющий Петр Земцов вместе с семейством занял пустующую комнатенку.

Жили дружно – в ванную по записи, в туалет очередь. Кто вставал раньше, тому и везло вытереться еще сухим полотенцем.

Старшие Акселевичи любили друг друга. И упорно таили от всех – и, прежде всего, от детей – историю своего знакомства. В молодости почти на каждого обрушиваются события, о которых потом, значительно позже, не очень хочется рассказывать всем и каждому.

Молодой еще тогда Алексей, старший лейтенант, явился на день рождения к другу. Четверть века как-никак… Надо отметить.

Настроение у него в то время сложилось препаршивое.

Очень хотелось напиться по полной программе. Тем более что подвернулся повод – юбилей школьного приятеля. Алексей приехал в отпуск, решил навестить давнюю подругу – что-то она писать перестала. А та оказалась уже на сносях…

Рядом с ним заботливый хозяин усадил какую-то щебетуху, но Алексей не знал, о чем и как с ней говорить. И думал: «Вот если бы мне в соседки ту, что напротив, я бы сразу нашел, о чем потрепаться…»

– Алеша, какая у вас осанка отличная! – тоненько ворковала соседка.

Как же ее зовут?… Да это все равно…

– Ну, я же военный все-таки. Меня научили ровно держаться – палкой били по спине, если сутулился.

Девушка вытаращила глаза.

– Это что же, у вас такие кошмарные прапорщики?!

– У нас не прапорщики, а старшины, – спокойно поправил ее Алексей.

– И что, они правда ходят с палками?! Или вы шутите?

– Да шучу, конечно, – так же невозмутимо, скрывая досаду, ответил Алексей, не отрывая глаз от женщины напротив. – А юбиляр тоже когда-то служил, но недолго. Что-то не видно его брата… У него было такое интеллигентное лицо.

– У кого – у брата или у самого хозяина?

– Ну я же сказал – хозяин был военным! – твердо отчеканил Алексей. – А у них интеллигентных лиц не бывает.

Соседка в недоумении уставилась на его погоны. Подоб-

ная критичность к себе казалась ей невероятной.

Напротив Алексея за столом сидели двое: слишком умненький на вид, деловитый, малость носатый парень по имени Костя и его молодая жена, почти девочка. Красивенькая, высокая, строго причесанная на прямой пробор. Но за весь день рождения она почему-то ни разу не улыбнулась, даже почти не разговаривала, едва отвечала на вопросы и вообще без конца дулась да хмурилась. И чего она так? – думал Алексей. Симпатичная, фигуристая, рядом муж молодой… Жить бы да радоваться.

Он вышел на лестницу покурить и спросил приятеля об этой видной серьезной девке. Она что, по натуре такая?

– Да нет, – отозвался хозяин. – Просто она с Костей поссорилась, потому и расстроенная всю дорогу. Девчонка у них маленькая, полтора года, а ругаются они непрерывно. Прямо как заведенные. Разойдутся, поди… В состоянии полураспада.

– А как же «милые бранятся – только тешатся»? – спросил Алексей.

– Это не про них, – махнул рукой приятель.

Не про них?… Алексей задумался. А потом, воспользовавшись случаем – молодой муж тоже вышел покурить, – сел рядом с неулыбой.

– Тебя как зовут?

Он решил идти напролом. В любви как на войне – либо геройски погибнешь, либо станешь героем-победителем.

– Оля… – тихо ответила несмеяна.

– Оля… Вот что, Оля… Бросай ты своего урода носатого и поехали со мной. Девчонку твою удочерю, папой меня звать будет. И улыбаться ты начнешь. Это обязательно.

Чужая жена изумленно глянула на него:

– Вы… что? Вы вообще кто?… Я вас первый раз вижу…

– Но не последний! – нагло пообещал Алексей. Его нахальства сейчас хватило бы на десятерых. – Думай проворнее! Сейчас твой вернется!

– Я… Я ничего не понимаю… – пролепетала ошеломленная Ольга.

– Я тоже, – признался Алексей. – Я как тебя увидел, со мной сразу что-то такое сделалось… Объяснить не могу. Но ты моя – и привет!

– Т-твоя?! – задохнулась от возмущения Оля. Возвратился носатый Костя и мрачно уставился на жену и ее нового прихехешника.

– Нам пора! – угрюмо сказал он. – Ребенок ждет.

– Ребенок давно спит! – логично возразил Алексей и вновь повернулся к неулыбе. – Так что?

– Что-о?! – взревел носатый. – Еще один на мою голову?! Ты, сука, просто слюни на мужиков пускаешь, как собака на мясо! Немедленно домой!

Он рванул жену за руку из-за стола и с размаху отвесил ей звонкую пощечину. В комнате наступила тишина. Хозяин кинулся на помощь.

– Константин, уймись! Руки-то зачем распускать? Прибери свою ревность в карман! Она тут явно лишняя.

– Лишняя?! – опять проревел носатый. – Это моя жена мне лишняя!

Ольга стояла белая, опустив глаза. Щека, запятнанная тяжелой ладонью мужа, заливалась багрянцем.

– Лишняя? – обрадовался Алексей. – А слово-то уже вырвалось, не поймаешь…

И он сильно рванул Ольгу за другую руку к себе. Ошарашенные гости притихли окончательно.

– Вот мне она как раз пригодится! Прости, что мы тебя делим, как вещь, – бросил он Ольге. – Бегом! Это обязательно.

И Алексей вылетел из квартиры, волоча за собой совершенно обезумевшую Ольгу и оставив позади не менее шокированных гостей. Безрассудный закон любви…

Такси Алексей поймал быстро, втолкнул туда Ольгу и сел рядом.

– Прости… – повторил он. – Ребенка отсудим, развод я беру на себя! Это обязательно. Жить пока будем под Красноярском, у меня туда предписание. Дальше посмотрим. – Алексей прижал к себе Ольгу. – Я тебя больше никогда от себя не отпущу! И привет!

Несмеяна пристально всмотрелась в его лицо.

– А как тебя зовут, герой? – спросила она.

Алексей долго водил Ольгу за собой буквально за руку.

Очень боялся, что отпусти он ее – и она исчезнет.

– На земле давно устроена для нас вполне приличная жизнь, но лучше доустроить ее до совершенства, – повторял он.

Он взвалил на свои плечи все: Ольгин муторный развод, объяснения с уродом Костей (Алексей был искренне убежден в его безобразии, хотя другие ничего такого в нем не замечали), беседы с тещей, оказавшейся довольно занудливой, хотя и еще молодой дамой…

– Подумаешь, преступление! – пробубнил Алексей в ответ на упреки приятеля, в доме которого все произошло. – Побег с чужой женой законом не карается, это тебе не чужая машина! Вот там дело пахнет керосином.

Когда они втроем с Аллочкой, наконец, уехали из Москвы, словно вырвались и скрылись от всех, Алексей вздохнул облегченно. Хотя еще один постоянный тайный страх жил в его сердце: Алексей панически боялся будущего и не знал, как его жена перенесет трудности армейского быта после столичной обеспеченности и удобств. Уже достаточно избалованная ими, так и не работавшая после окончания педвуза, Ольга могла тотчас сломаться в гарнизоне под Красноярском и сразу метнуться назад, к мамочке и к своему бывшему носатому Косте, который, несмотря на все свои скандалы, жену отпускать ни за что не желал. Страх преследовал Алексея долго, лет пять или шесть. Но Ольга, вопреки всему, не сломалась и никуда не уехала.

Акселевичи прожили в мире и согласии не один десяток лет. Алла – дочка Ольги – так никогда и не узнала, что Алексей не ее отец. Тайну берегли свято. Алла Константиновна стала Аллой Алексеевной. Как и обещал, Алексей стал для маленькой Аллочки настоящим отцом. Даже сама Ольга не смогла бы упрекнуть его в пристрастии к сыновьям и в разном отношении к детям. Муж никогда не выделял никого из них. Хотя Борьку, младшего, все в семье особенно любили. Старшие Алешки – Алла плюс два Алексея, как их называли в семье, – носились с самым маленьким, баловали его и лелеяли. Борька служил им живой игрушкой.

В Москве Алексей дослужился до звания генерала. И старший сын, тоже Алешка, пошел по стопам отца – окончил военную академию.

Вот тогда семью и настигла первая настоящая беда: друг, закадычный друг, милый, улыбчивый Петька Земцов какими-то хитрыми окольными путями прописался в квартире.

Возмущенный Акселевич-старший обратился за помощью к родному государству, которое он столько лет охранял верой и правдой. Нет, он не требовал выселить Петьку-предателя. Пусть живет… Алексей Демьянович просил предоставить семье генерала отдельную квартиру. Разве он ее не заслужил?

И ему ее дали. Когда младший, Борька, уже перешел в десятый класс.

Глава 2

Комната была узкая. Размахивая форточкой и устремляясь к одному-единственному окну, рассматривающему переулочек, она вечно мечтала о чем-то, особенно вечерами, когда ей приходилось усиленно отбиваться от темноты.

Нинину кровать загораживал большой шкаф, служивший чем-то вроде перегородки или ширмы. Заодно он давал хотя бы иллюзию большего пространства и позволял бабушке, живущей вместе с Ниной, чувствовать себя обитательницей своей собственной комнаты. Родители занимали вторую комнату. Они словно отделились от Нины стеной, высокой и давящей. Нина часто думала, что стены в квартире стоило бы снести.

Однажды она взяла карандаш и старательно попыталась проткнуть им стену.

– Что ты делаешь? – возмутилась бабушка.

Нина продолжала сосредоточенно долбить стенку карандашом. На монотонный стук явился отец. Выяснил, в чем дело, и уселся на диван, нога на ногу.

– Нет, ну, есть такая теория, что мир, в соответствии со своими изначальными законами, меняется, он вовсе не статичен, – начал он философствовать. – Якобы даже когда-то, в каком-то очень далеком будущем, молекулы перестроятся и расположатся по-другому. Правда, по этой теории подоб-

ное может случиться через какой-нибудь миллиард лет, но произойдет это непременно. Вот представим сегодняшнюю ситуацию: человек тычет в стенку карандашом, уверяя, что выжидает момента, когда сумеет добиться своего, и этот карандаш пройдет сквозь стену. Сторонники теории статичности мира скажут ему, то есть тебе, Нина Львовна: «Девочка, ты глупа». И со своей точки зрения будут совершенно правы! А вот сторонники теории, согласно которой в мире могут перестроиться молекулы, скажут иначе. Примерно так: «Конечно, то, что ты делаешь, смешно, наивно и, по сути, нелепо, но теоретически ты совершенно права. Потому что если ты еще так потычешь где-то лет с миллиард, то твой карандаш действительно пройдет через эту стену!» – И отец расхохотался, очень собой довольный.

Он не понимал шуток, если они были не его собственными. А когда шутил сам, то его юмор обычно не доходил до окружающих. Зато уж отец смеялся за всех сразу, оглушительно и долго, пока не уставал.

– Есть люди, не понимающие юмора. Что уж тут делать, – часто вздыхала бабушка. – Для таких и существуют юмористические телепередачи…

Нина отца ненавидела. И ничего не могла с собой поделать. Она часто косилась на него, боясь, как бы он ненароком не узнал ее мысли. Они казались Нине чересчур громкими.

Нина с трудом переносила его зычный самодовольный голос, его домашние треники, постоянно болтающиеся на ко-

ленях, – в странной уверенности, что штаны эти никогда не стираются, хотя мать такого бы никогда не допустила. Седина властно уже расположилась в его жидких, умирающих волосах. Мать говорила, что седовласость ему очень идет. Пренебрежение, этакая гримаса презрения к окружающему миру никогда не сходила с его лица.

Нина с отвращением смотрела на солидный, слегка пришлепнутый внизу нос отца, торчавший на его физиономии довольно нелепо, словно взятый с чужого лица, на его мохнатые жесткие брови, почти сросшиеся в одну жирную графитную линию. Смотрела и переживала: «Почему, ну почему он такой? Мне такого не надо… Лучше другого…» И задумывалась всерьез. Какого отца ей бы хотелось, она не знала. Пока не пошла в первый класс.

Она еще не умела рассуждать, и научилась делать это поздно, зато всегда чутко прислушивалась ко всему, что говорили люди.

Почему-то у Нины непрерывно, без конца находили черты сходства с родственниками: лоб от папы, губы от мамы, волосы и локти от бабушки… И Нина, наконец, возмутилась: а что же у нее свое, личное, только ей принадлежащее?! Неужели ничего нет?!

Она внимательно присматривалась к своему телу. И оно все больше ей не нравилось. Это тело… Ей казались постыдными его ежедневные потребности: например еда, да еще неукоснительно три раза в день, плюс полдник, как наста-

ивала бабушка. А грязь на ногах? А пот? А этот мерзкий живот?! Его не только надо кормить, но еще и бегать по его настойчивым требованиям в туалет! Нет, это совершенно невыносимо, отвратительно! Почему нужно подчиняться именно его желаниям?!

И Нина старалась по возможности оттягивать каждый раз свои походы в туалет: откладывала их, пока уже терпеть становилось невмочь, и неслась туда стремглав, сбивая все на своем пути.

– Нет, ну что ты все бегаешь, Нина Львовна? – сердился отец. – Носишься как обезьяна! Все нервы мне истрепала!

Он всегда звал ее по имени-отчеству.

На самом деле Нина росла девочкой довольно тихой, незаметной, родителям никогда не докучала. Она целыми днями играла на большом бабушкином диване, застывшем недалеко от окна. А бабушка рядом днями напролет стучала на пишущей машинке. Это называлось «подрабатывать».

Нина машинки почти не слышала, так к ней привыкла, и разговаривала со своими куклами и зверюшками. Она жила в своем игрушечном мире, и он ее полностью устраивал. Никакого другого ей не требовалось. Лишь бы ее не трогали.

Любила она и телевизор и просто влипала в экран, когда шли мультфильмы и фильмы для детей, тоже не видя и не слыша ничего вокруг.

– Закрой рот, Нина Львовна, кишки застудишь! – насмехался отец, в очередной раз застав дочь в оцепенении перед

экраном.

«Почему он такой? – тоскливо думала Нина. – Ну почему? И разговаривает он как-то не так, как все, и слова у него какие-то не такие…»

У отца давно сложился мучительно терзавший его и не дававший ни минуты покоя культ собственной личности. Так утверждала бабушка. Она говорила, что Фрейд бы ему поставил диагноз ярко выраженного нарциссизма. Нина уже знала от нее, что Фрейд – известный психолог.

Отец тоже был известной шишкой: он занимал немалый пост в Госплане СССР.

– А иначе зачем бы Тамара вышла за него замуж? – вздыхала бабушка.

В коридоре висел портрет маслом – отец во весь рост в казацком прикиде. Черные, длинные, опущенные вниз накладные усы и большой лоб, плавно переходящий в лысину, создавали хороший фон для всего остального: папаха, шаровары с лампасами, нагайка, сапоги.

– С волосами у него не густо, – насмешничала бабушка.

В комнате родителей тоже красовался портрет маслом, только по грудь: отец в темном костюме с правительственными наградами. Рядом был устроен целый стенд, увешанный вырезанными и заключенными в рамочки газетными фотографиями. Да не абы какими, а именно такими: «Лев Шурупов и министр», «Лев Шурупов беседует с послом Марокко», «Льву Шурупову пожимает руку советник американско-

го посольства»… А на письменном столе отца красовалось большое яйцо под Фаберже, на котором по эксклюзивному заказу художник написал маленький портрет – а чей, уже и так понятно…

Отец всегда откровенно скучал, если говорили не о нем или он не говорил о себе.

У него была еще одна очень раздражавшая Нину особенность: если ему приходилось мыть посуду, то он ее мыл исключительно после себя. Рядом могла стоять тарелка матери или Нины – он не прикасался к ним, словно брезговал.

Отец обожал щекотать Нину. И она стала его бояться, но за нее никто из семьи не вступился, даже бабушка, и никто не попросил отца прекратить это. Все думали: раз Нина смеется – значит, ей весело и хорошо! Какие тут страдания? А смеялась она просто от щекотки, хотя ей это вовсе не нравилось, только доставляло мучения. Почему-то родные ничего не понимали, будто отупели.

Отец настаивал на обязательном чтении и требовал, чтобы бабушка приучала Нину к книгам.

– А вот я читала, – сказала ему как-то бабушка, – что один из европейских просветителей восемнадцатого века выстроил от и до целую систему воспитания детей. С точки зрения просветительства она апеллировала к идеалу «природы», «первородности». Просветитель утверждал, что раннее чтение – бич малышей. И считал, что детям нужно давать только одну-единственную книгу для их правильного разви-

тия. Всего одну! Как вы думаете, какую?

Мать и отец недоуменно переглянулись. И мать неуверенно спросила:

– Библию?

– Нет! «Робинзона Крузо». И я лично согласна с этим просветителем. Раннее чтение действительно ни к чему. Ну зачем ребенку нужны книги? Ему хочется поиграть, поскакать, по деревьям полазить! Однако взрослые пихают ему книги и назойливо твердят: читай, читай, а не то тупицей вырастешь! А почему, собственно? Всему свое время – налагается по деревьям малыш, набегается по дворам, подрастет маленько – и сам попросит книгу. Я на своей шкуре все это испытала. Тебе совсем не хочется ничего читать, а тянет бегать-прыгать, разведывать тайны кошек и колодцев, но родители торжественно вручают книгу, а если ты ее не читаешь, начинается дикий крик. Я часто с этим сталкивалась в своей жизни, потому и понимаю… И что характерно – сейчас я библиоманка, причем стала ею сама по себе. Просто начала читать в подростковом возрасте. Поэтому так ли уж не прав был тот утопист?

Отец возмущенно развел руками. «Съел?» – со злобным удовлетворением подумала Нина, хотя далеко не все поняла.

Читала бабушка действительно очень много. С годами чтение стало ее насущной потребностью, почти сутью. Юлии Ивановне нравилось отыскивать в книгах общее на первый взгляд в несоединимых людях. Книги пришли к ней как

единственные верные умные собеседники (Нина была еще мала), часто очень интересные, с которыми можно молча спорить, не соглашаться или соглашаться, верить им или не верить.

– Без царя в голове! – часто говорил о Нине отец.

Его тонкие губы-ниточки становились еще тоньше от иронической усмешки.

И когда Нина, наконец, увидела портрет Николая Второго, потом Ивана Грозного и узнала, что это – цари, то очень заинтересовалась. Долго их рассматривала, а потом сказала:

– Вот кого, оказывается, у меня нет в голове!

Бабушка долго смеялась, а потом заявила:

– Можно предсказать прекрасную будущность лишь тому народу, среди которого живет естественное уважение к ребенку. Как, например, в Финляндии и Японии.

Она была очень спокойным человеком, жила размеренно и несуетливо.

– Что бы ты ни делала, никогда не волнуйся. Ни по какому поводу, – учила она Нину.

Однажды отец, не вынимая изо рта сигарету, случайно разлил в ванной ацетон, которым мать смывала лак с ногтей. Уронил столбик горячего пепла – и полыхнуло…

Нина, уже неплохо натасканная бабушкой и матерью, метнулась к телефону, набрала ноль-один и заорала оглушительным фальцетом, объятая ужасом:

– Пожар, горим!

На том конце провода решили, что ребенок хулиганит, и начали читать нотации.

– Девочка, такими вещами не шутят! – строго сказали ей. – Положи трубку. В это время, возможно, до нас дозванивается тот, у кого и вправду пожар.

Нина совсем распсиховалась:

– Да у нас тоже пожар! В ванной! Мы правда горим! Я не вру!

Тогда трубку взяла бабушка, Отец тем временем пытался залить пламя водой.

– Вы понимаете, мы и в самом деле, в некотором роде… э-э… так сказать, горим, – сказала бабушка.

Потом, когда огонь совместными усилиями отца и приехавших пожарных потушили, отец страшно ругался:

– Нет, ну, Юлия Ивановна! Вы уж прямо совсем! Надо же умудриться произнести: «Мы в некотором роде, так сказать, горим»! Это вроде «я немножко беременна»…

Бабушка отмалчивалась.

Когда Нина пошла в первый класс, умерла тетя Римма.

Нина считала ее второй по красоте в этом мире после матери. И не ошибалась. Нежное лицо тети, всегда слабо окрашенное по-утреннему робким, едва разгорающимся, но так и не способным разгореться до конца румянцем, было необычно тонким. Если бы тетя улыбалась хоть изредка, она стала бы настоящей красавицей, но она почему-то никогда не улы-

балась. Даже когда возилась со своей маленькой Женькой. Тетя Римма была вдова.

– А что эта такое? – спросила Нина бабушку, услышав впервые это слово.

– Это женщина, у которой умер муж, – нехотя объяснила бабушка.

Нина ахнула, потрясенная, и больше спрашивать ничего не стала. Что такое «умер», она уже знала, но утешала себя мыслью, что и с ее родителями, и с бабушкой, и, конечно, с ней самой это случится не скоро. До этого еще пока очень далеко.

Позже бабушка рассказала Нине, что муж тети Риммы поехал с ней вместе в выходной к друзьям за город кататься на лыжах – Женьке только полгода было, – выпил, помчался на лыжах с горы и на всем ходу врезался в дерево. Сломал позвоночник. Умер сразу… На лыжах он катался прекрасно, даже участвовал в каких-то там лыжных гонках.

– Две дочки у меня, и у обеих жизнь не задалась, – горько вздохнула бабушка. – А ведь как в тот злополучный день Римма не хотела ехать за город, как не хотела… И Сашу своего отговаривала… Словно чуяло ее сердце.

И Нина опять ни о чем не спросила. Почему не задалась жизнь матери, было понятно без лишних слов.

Иногда бабушка принималась просить дочь и зятя отвезти ее в Германию.

– Ладно, мама, как-нибудь потом, – привычно отговари-

валась Нинина мать.

Отец всякий раз возмущался:

– Нет, ну, Юлия Ивановна, ну как вы себе это все представляете? Что, вас там ждут с распростертыми объятиями? Это еще в ГДР можно съездить через «Спутник», а в ФРГ? Да и зачем вам это? Неужели вы верите, что там кого-то найдете?

Бабушка грустнела, садилась у окна и долго-долго смотрела на темнеющее вечернее небо. Нина в эти минуты молча подходила к ней и утыкалась носом в ее колени. Бабушка гладила ее по голове. Рука у нее подрагивала.

– Вот возьму тебя, звездочка моя ясная, да и уеду с тобой в Германию, – мечтала бабушка, беспомощная, как ребенок. Нина в эти минуты ее очень жалела. – Возьму и уеду… Что мне тут делать, с этим… – Она грозно смотрела в сторону двери, имея в виду зятя.

Нина согласно, с удовольствием кивала, тычась носом в бабушкины ноги. И думала: почему мама, такая красивая, хорошая, добрая мама выбрала себе такого… И не находила ответа.

– Сколько ни возражай – он тебя будто не слышит. Бесполезно говорить с людьми, которые не умеют слушать. Такие люди всегда твердят о своем, почти не слушая друг друга. И помощи от таких никогда не дождешься. Заболею если… У некоторых людей сердце из камня. Кто тут виноват? Никто и каждый. А может, наше время, не знаю… Я не утверждаю,

что он плохой человек. Я говорю только, что он постоянно не прав. Он в высшем классе по своему положению в обществе, зато в низшем – по своему умственному развитию. Ты поедешь со мной в Германию, Ниночка? – спрашивала бабушка.

– Поеду, – бормотала Нина, хотя ей было бы страшно расстаться с матерью. Но все равно…

И эта таинственная Германия, по которой так тосковала бабушка…

– Бабушка, – каждый раз просила Нина, когда видела, что бабушка вновь запечалилась, особенно после очередного спора с отцом, – расскажи мне опять по Валечку. Как вы с ней решали задачки… Как к ней приезжал мальчик…

– Про Валечку? – улыбалась бабушка. – Тебе не надоело? Звездочка ты моя ясная…

Нина старательно мотала головой:

– Нет, не надоело. Расскажи, бабушка! И про моего деда Диму. Как он пел свою песню…

Бабушка вставала и плотно закрывала дверь в комнату. И начинала свой рассказ, который Нина давно знала наизусть…

Глава 3

Первое свидание Зиночке Борис назначил в самом центре. Просто ничего другого в Симферополе он пока не знал. Кругом гомонила вечерняя суетливая толпа, напоминая кипящий овощной суп. Люди куда-то спешили, хотя куда уж так торопиться вечером? Но все они были на взводе, как старые механические часы. Их пружины, опасно заведенные до отказа, почти перекручивались и заставляли всех мчаться, словно удирая от погони, отчаянно нестись, теряя чувство времени и гармонии с миром.

Борька вырос в Москве, но привыкнуть к городской суете и бешеному ритму, к несоразмерной ни с чем скорости, непонятной и ничем не оправданной, никак не мог. Да и не старался привыкнуть. Он все равно жил по-своему, отчужденно, в стороне от мегаполисного галдежа, по возможности всячески избегая его.

Но сейчас так уж получилось: ресторан, центр, круговерть… Да и Зиночка, видно, совершенно не замечала городского безумия и вечной спешки, поэтому Акселевич решил потерпеть. И не пожалел об этом. Неожиданно выяснилось, что он просто сейчас не видит, не замечает окружающего, абсолютно ничего вокруг не слышит, кроме одной лишь Зиночки. Крымский город словно исчез, растворился в своих собственных размытых влагой огнях, скрылся в вечернем

сыром сумраке – его не было. Может быть, он вообще перестал существовать? А все вокруг – призраки, иллюзии, привидения? Была и оставалась одна только Зиночка, улыбнувшаяся Борьке неуверенно, доверчиво и приветливо.

Она оказалась так наивна и простодушна, что даже не потрудилась умышленно припоздниться, не додумалась специально опоздать на свидание, чем всегда развлекаются прожженные опытные кокетки. Борис вспомнил своих многочисленных девок и усмехнулся. Им очень нравилось заставлять себя ждать. Вечно опаздывающие, притворно сокрушающиеся по этому поводу, ненатурально себя ругающие: «Ах, опять я опоздала! Прости меня! Никогда не могу правильно рассчитать время. А ведь вышла сегодня заранее!» Лгуньи и лицемерки! Все как одна. Кроме Нины…

– А почему вы не опоздали? – спросил он. Зиночка подняла на него удивленные глаза.

– Но пробок сегодня нигде не было. Я доехала на редкость удачно.

– Пробок не было, – задумчиво и почти радостно повторил за ней Борис. – Ишь ты подишь ты… Как это хорошо, что их не было… А то у некоторых дам они бывают постоянно, даже там, где их никогда не бывает. Девушки всегда опаздывают. Даже если такая мадам – твоя шефиня. Нарвался я на одну… Встречались исключительно по редакционным делам – так она все равно неизменно опаздывала, ни разу не пришла вовремя! Вперед? – И он уверенно подхватил Зину под

локоть.

Но перед самым входом в ресторан Зиночка неожиданно спасовала.

– Давайте туда не пойдем, – сказала она. – Там нет ничего хорошего.

– А куда? – спросил Акселевич. – И где же вам нравится?

Ему нравилось коверкать слова на свой лад.

– Погуляем, побродим… – неопределенно предложила Зиночка.

– Жаль, что у вас нет моря, – отозвался Борис, закуривая и заслоняясь от ветра. – Человек всегда, с самого начала своего существования, любил и продолжает любит смотреть на воду и огонь. Они несут с собой жизнь. И между прочим, они же ее нередко и отбирают. Но это значительно позже.

– А я не понимаю и никогда не понимала, почему люди любят смотреть на воду. Реки, моря и озера не успокаивают, – возразила Зиночка. – Они, наоборот, будят тихо дремлющую до поры до времени печаль. Или люди так нуждаются именно в этой безмятежно текущей и плывущей мимо грусти? И луну я тоже не люблю. Она чересчур безрадостна. Когда я ее вижу, мне хочется уныло завыть, как собаке. И светит она не настоящим светом, потому что мертва. Она – пустое место в небесах…

Борис вновь посмотрел на свою спутницу с возрастающим интересом и выдвинул альтернативный вариант – кино. Болтаться по сырым симферопольским улицам ему не улыба-

лось. Зиночка согласилась.

В фойе кинотеатра Борис разглядел ее повнимательнее. На этот раз колготки с какими-то замысловатыми рисунками… Борька осторожно коснулся ее икры и спросил:

– Вопрос можно? А что тут у вас нарисовано?

Пока смущенная Зиночка раздумывала над ответом, он провел ладонью по коленке:

– А вот тут что?

Зина неловко засмеялась:

– Борис, не валяйте дурака! Неудобно, люди смотрят…

– Пардон… – пробормотал Акселевич.

Кроме загадочно разрисованных колготок на Зине красовались крохотная юбчонка и, разумеется, топик – суперхит молодежной женской моды последних лет. Иногда казалось, что, кроме топиков, девушки уже ничего больше не признавали – и зимой и летом.

Борька весело указал на Зинин животик:

– Пузечко голое! Как не холодно?! И зачем вам тогда плащ?

Зина пришла именно в нем.

– Нет, без плаща я мерзну. Очень сыро и ветрено…

Акселевич хмыкнул:

– Ишь ты подишь ты… Без плаща никуда, а ходить в холодрыгу с голым животом – пожалста!

Зиночка смущенно одернула топик (жест бессмысленный, топик не одернешь) и еще растерянее отозвалась:

– Я привыкла, и именно живот у меня не мерзнет…

Давно поднаторевший в общении с молодыми дамами, весьма опытный Борька сразу припомнил всех своих подруг: Марьяшку, Маргаритку, Нину, Дусю, Веронику, etc… И произнес несколько высокопарным и саркастическим тоном:

– Между прочим, мадам, из-за ношения топиков в зимнее время, по моим наблюдениям, наши девушки пребывают в состоянии хронического насморка. Вечная течка из носа. Пардон… Но что делать, что делать – мода обязывает! И приходится мучиться, зато выдерживать стиль. Кстати, осмелюсь вам скромно заметить: раньше мужики остро, стой мене, прямо-таки болезненно, с повышенным любопытством реагировали на раздетых по-летнему дам в метро. Но теперь они мужикам опротивели, глаза намозолили, и реакции – ноль. Смотрят только на одетых. Эти возбуждают. Опять пардон…

Зиночка вновь смутилась. А Борька разговорился не на шутку:

– Вот из области «есть многое на свете, друг Горацио…». Во времена моего тинейджерства девочки, конечно, мне встречались разные. Даже такие, что на учете в милиции состояли. Но чтобы даже такая девочка тогда надела топик! Да ни в жисть! Это было немыслимо, и подобное даже самым отъявленным оторвам в голову не приходило. Сейчас же в топиках ходят и великие скромницы. – Он кинул хитрый взгляд на совершенно растерявшуюся спутницу. – А вот вам

ишшо для примера некая маза из истории Франции позапрошлого века или раньше. Привилась там мода на женскую одежду псевдоантичного стиля. Причем это распространялось и на зимние одеяния. То бишь зимой француженки носили какие-то легонькие балахончики на манер туник, слегка мехом отороченные. Но не учли модницы главный момент – в Греции тепло круглый год, а во Франции откель этакая погода? Там и ниже нуля бывает, и снег даже выпадает. Но – мода… Это особь статья. – Акселевич хмыкнул. – В результате, как показала статистика, смертность среди женщин от осложнений после простуд и переохлаждения во Франции понеслась вперед прыжками кенгуру. Мне сей факт недвусмысленно напоминает нечто похожее – всесезонную моду на топики. Да, глупости повторяются по всему миру и во все времена… Ха! Признаюсь, у моей одной старой подружки Марианны до сих пор нет детей. И видимо, из-за этого постоянного проклятого топика даже зимой. Мадам себе отморозила все детородное женское хозяйство. Пардон… Хотя зачем тут стесняться правды? Не надо ее бояться, ведь ложь на земле тоже бесконечна. Мода на топики вредна для генофонда. Я как-то сказал Марьяшке: «Дура ты неотесанная! Тебе же детей рожать!» А она бодро ответила: «Будем рожать!» Так по сей день и рожает… Была у нас в школе училка Надежда Сергеевна. Эта вообще заявляла в декабре: «Буду проверять собственноручно! И если обнаружу, что у кого-нибудь кроме трусов под брюками ничего не надето –

выставлю на мороз и отправлю домой!» И отправляла. Все радовались и нарочно не надевали ничего теплого. Наконец мадам осознала свою ошибку…

Зиночка дала Борьке наболтаться вволю и отлично излить душу. Ее интересовала биография нового знакомого, а кто еще может преподнести и выложить ее лучше, чем сам виновник событий? И имя Марианны Зина сразу запомнила и взяла на заметку.

В свое время – давнее, школьное, мирное – мать тоже тщетно пыталась заставить одеться Зину хотя бы зимой. Закрывала собой дверь, бросалась на нее, прямо как Матросов на амбразуру, думала Зина, и не пускала дочь в школу.

– Пока не наденешь рейтузы, не выпущу из дома! – кричала мать. – Кто их там на тебе увидит?!

Зина кривилась и морщилась при одном только мерзком слове «рейтузы». Какая гадость…

– Ну и не надо! – меланхолично говорила она. – Могу и вовсе не ходить в школу, пока не потеплеет!

Мать поневоле сдавалась. Родители слишком часто переоценивают свои силы и возможности. И закрывать дверь наглухо можно лишь тогда, когда есть абсолютная уверенность, что ее не придется совсем скоро открыть.

Наконец начался фильм. Что-то про авиацию. Название не запомнили оба. Когда самолеты на экране стали на бешеных скоростях бросаться прямо на зрителей, Зиночка вдруг попросила:

– Борис, можно я буду за вас держаться? А то я по жизни боюсь скоростей!

Акселевич с готовностью протянул руку.

– Об что речь, – удовлетворенно пробормотал он.

Всякий раз, когда на экране вновь и вновь происходило нечто подобное, ужасающее, – а в фильме бесконечно падали и взлетали, – Зиночка с трогательной доверчивостью вцеплялась в кисть Бориса.

Акселевич упоенно предвкушал кульминацию. И не ошибся. В результате герой едва не погиб заодно со своим самолетом. Жив, правда, остался, но долго лежал в больнице весь переломанный. А Зина, переехав нервными раскаленными пальцами чуть повыше, все крепче впивалась в запястье Акселевича, потом вообще держалась уже за него двумя руками, а потом – когда режиссер-натуралист показал несчастного героя всего в крови – стиснула пальцы почти железной хваткой, а другой ладошкой плотно закрыла себе глаза.

Борька про себя иронизировал и наслаждался. Темнота помогала ему скрыть неподдельный восторг. Давно не попадались Акселевичу на жизненном пути столь инфантильные и наивно-милые девушки. Очевидно, их заботливо выращивала провинция. На счастье Борьке.

Потом вновь в фильме начались скоростные полеты, и Борис уже привычно деловито подал чрезмерно впечатлительной соседке вторую руку ладонью вверх. Запасной вариант.

– Я так дико в вас вцепляюсь, что вообще боюсь сломать вам руку! – посетовала Зиночка.

– Ха! Не волновайтесь, у меня что-то сломать трудно, я парень крепкий!

– Ну ладно. – Она снова уцепилась за его запястье.

К немалому огорчению Борьки, фильм все-таки кончился, и пришлось выйти из зала. Зина тотчас начала сострадать:

– Вы не очень устали со мной? Руку я вам всю, наверное, отжала!

– Об что речь? Никакой боли я даже не почувствовал, – честно ответил Борис и прикинул про себя: кокетничает его дама, просто нуждаясь в мужской поддержке и желая твердой руки. Или же и впрямь она столь чувствительная и пугливая? – Вопрос можно? – спросил он, закуривая.

Зина кивнула.

– Вы игде живете?

Борьке нравилось говорить так, на простецкий манер.

Наверное, если бы Зиночка, вопреки желанию Борькиных родителей и запрету мужа, обменяла все-таки свою симферопольскую квартиру на московскую, не случились бы его бессонницы, два инфаркта и вызовы «скорых». Женские руки могут спасти от высокого давления, вредной еды и бесконечного курения. Так давно думала Нина. Хотя Борька часто смеялся:

– Судьба моего сердца, Шурупыч, исключительно в твоих

руках!

Но слабохарактерная Зиночка без всяких видимых мучений смирилась со своим странным положением. И казалось, нисколько не терзаясь, приняла его навсегда. Или она так умело скрывала правду? Зину никто не понимал.

Красота, ум, глупость – все эти слова никак не подходили к ней и никак ее не определяли. Единственное, что к ней шло, – это бессловесность. И еще полная подчиненность и зависимость от своей любви. Так думала Нина.

Сам Борька женщинам никогда не подчинялся.

Твердая и настойчивая Марианна Дороднова, в обиходе Марьяшка, когда-то попыталась его захомутать, но ее неженская воля быстро обломалась о кажущуюся Борькину бесхребетность. В его мнимой мягкости, вполне осознанной, четко продуманной и отточенной до несгибаемости, утонула не одна женская душа. Очень того желающая. Странным образом расположенная к никому не нужной жертвенности, а потому живущая на земле с неиссякаемой жаждой все отдать и полностью отдаться. Выложиться до конца. Почему-то уверенная в своей необходимости и бесконечной глубине собственных чувств, чаще всего остающихся невостребованными.

Здание морга, поставленное на задворках больницы, выглядело каким-то домашним и вполне мирным. Нина стояла в стороне от всех, хотя издали ей кивали и Марианна, и Ри-

та Комарова, и Филипп Беляникин – все бывшие одноклассники. Один только Ленька Одинцов словно не видел Нину. Но она предпочитала стоять в одиночку. И думать, думать, думать…

Борьку угораздило умереть в начале декабря. Было уже очень холодно. Резкий ветер по-хозяйски носился над территорией больницы. Нина медленно, нехотя подошла к машине, на которой приехали старенькая, спотыкающаяся Борькина мать, его брат и сестра, но неожиданно наткнулась на их недобрые взгляды и поспешила отойти к Марианне. Поняла: что-то случилось. Но не сейчас ведь разбираться… И потом… Сегодня Нине не выжить без Марьяшкиной поддержки, без ее блестящей способности, непреложного умения всегда, при любых обстоятельствах, вознести себя на пьедестал. Сомнительное лидерство давно стало основой неудачной жизни Марианны. Ее одиночества при живом муже.

Зиночке Нина отправила телеграмму тайком от Борькиной сестры Аллы, устраивавшей просто неприличные истерики при одном упоминании имени невестки. Но сделала Нина это слишком поздно, не учитывая железнодорожных особенностей и авианастроений теперь уже чужой державы, и приехать Зинаида не успела. Транспорт – дело тонкое…

Пока в Москве над гробом выясняли сложные семейные отношения и сводили счеты, слегка подзабыв о мертвом, наступил день похорон.

Нина задумчиво оглядывалась вокруг: похоже, здесь со-

брались в основном женщины… Они приходили поодиночке и тоже, вроде Нины, начинали озираться с недоумевающим видом. Разом овдовевшие и искренне пытающиеся осознать, что Борьки больше нет. В морг они даже не заходили, заглядывали в дверь и прятались за стены с виду совсем нестрашного маленького домика.

Нину охватила настоящая растерянность, почти паника. Она перестала обращать внимание на окружающих, в сущности, чужих ей, совершенно ненужных, и едва не упала. Марианна куда-то исчезла. Ленька, лучший Борькин друг, поспешил Нине на помощь. Она с облегчением поблагодарила Леньку, выпрямилась, для устойчивости потопала по снегу и тотчас спряталась от всех за толстое дерево.

Очень высокая, мрачная, за последние дни превратившаяся в шнурок, Нина пристально наблюдала за происходящим со стороны. Как долго и как спокойно Борька водил своих приятельниц за нос… Как прекрасно морочил им голову…

Нина, Нина! – сурово одернула она себя.

Место для осуждения было выбрано не слишком удачно.

Сначала все стояли со скорбными лицами, но постепенно у собравшихся начали мерзнуть ноги. Многочисленные вдовушки, понемногу привыкая и примеривая к себе свое новое положение, стали потихоньку прогуливаться, осторожно, незаметно подпрыгивая. Все мечтали о той минуте, когда можно будет, наконец, сесть в теплые машины и автобусы и долго-долго ехать на кладбище.

Мужчины вытащили сигареты, закурили и пустились в долгие разговоры. Вначале заговорили о смерти, но быстро ушли в сторону. Начали проблескивать слабые, короткие улыбки, унылые выражения сменились обыкновенными. Все устали беречь нарисованную грусть и о ней помнить – не случайно уныние издревле считается смертным грехом. Но на похоронах все всегда испытывают неловкость оттого, что не знают, как себя вести: делать скорбное лицо – тривиально, а болтать и шутить – как-то не принято.

Официальное прощание странно задерживалось и вышло скомканным и пустым. Тянулись по одному, словно нехотя. Женщины смотрели бессмысленными, вопрошающими глазами. Борька лежал, засыпанный цветами, и словно иронически улыбался.

Нервно оглядывающаяся в поисках Зиночки Нина, посмотрев на бледного Борьку, внезапно подумала: а вот если бы он сейчас встал, то наверняка сначала пожаловался бы на промерзшее помещение – настоящий ледник.

– Вопрос можно? – спросил бы их всех Борька. – Игде это я оказался ненароком? Ну и удружили вы мне, заразы! А холодюга! Вот тебе и вот…

Нина, Нина! – снова остановила она себя.

Ей действительно хотелось видеть Зиночку, которую она давно знала и даже по-своему любила. Борька не постеснялся их познакомить, и, что странно, конфликта при этом не возникло. Наверное, он умел выбирать правильные характе-

ры. Обтекаемые. Как у его симферопольской жены: на редкость тихого, незаметного и неслышного человечка. Сплошной штиль… У характера Нины были более сложные составляющие, но и с ней Акселевич не промахнулся. У него оказался талант на женщин. Профессионал.

Зиночка смотрела Борьке в рот, никогда не дискутируя с ним и редко поддерживая разговор. Не потому, что не могла, а потому, что не хотела. Она видела в нем божество, нежданно-негаданно явившееся в ее родной, безнадежно провинциальный, несмотря на все громкие эпитеты, город. Сверхчеловека, дарованного ей то ли философией Ницше, то ли собственной фантазией и непохожего на все без исключения мужское симферопольское население. И хотя богом, как известно, быть трудно, Борька замечательно справлялся с порученной ему Зинаидой и ею же определенной ролью, не прилагая к этому больших усилий. Ему вообще ничего изображать из себя не приходилось: Зина с искренней любовью и детским старанием живо и усердно рисовала чудесный и единственный образ так, как ей самой того хотелось. «Я его слепила из того, что было…»

Она была чересчур рассеянна. Могла утром, торопясь на работу в институт, схватить вместо сумочки магнитолу и отправиться с ней в путь. Никто на улице внимания не обращал, а что особенного? Женщина несет спозаранку в ремонт забарахлившую технику. Зина спохватывалась лишь на троллейбусной остановке, обнаружив, что из «сумочки»

нельзя достать кошелек.

Зинина сумка вечно болталась где-то в весьма далекой от хозяйки стороне, проездные постоянно терялись, а мелкие деньги… Те вообще запросто пролетали у нее между пальцев.

Сосредоточивалась Зиночка единственно на Борьке, совершая извечную, самую большую и страшную, но неизбежную женскую ошибку: делала мужика смыслом жизни.

Нина вспомнила, как она впервые увидела Зинаиду. Сразу в качестве жены…

Какую выбрал! – подумала она тогда в страхе. Толстуха! Брюхо торчит! Нос здоровый! На голове воронье гнездо! Гарна дивчина… Или любит?… И не искал, и не выбирал вовсе… Любит… Любит – и все!

Позже Нина поняла, что ошиблась: о любви не стоило даже задумываться. Зато безропотная и безответная Зиночка оказалась заодно и премудрой, умеющей свободно и легко подчиняться. На что способны только самые умные женщины.

До свадьбы Борька как-то вскользь упомянул о какой-то своей новой знакомой из Симферополя. Поскольку Нина была уже давно в курсе безмерной широты Борькиной души и неограниченности увлечений, она не удивилась, но поинтересовалась:

– А как она выглядит?

Акселевич непонятно замялся, пытаясь что-то выразить,

обрисовать словами облик Зиночки, но никак не мог – не вспоминалось ему никаких особых примет: прямые русые волосы средней длины, нормальный рост, хорошая комплекция… Ничего особенного и из ряда вон выдающегося. И выпалил наконец:

– Ха!.. Зиночка Крупченко ее зовут. Попросту Крупка.

Нина догадливо хмыкнула и вполне серьезно сказала:

– Ясно, Боб… Стало быть – вся из себя она – Зиночка Крупченко!..

Нина не знала, почему до сих пор нет Зинаиды. Унижаться до расспросов она не желала и молча злилась, справедливо считая, что этой рассеянной тихоне не приехать было нельзя. Не умерла же она скоропостижно от неожиданного горя!

Нина даже не слишком тосковала. С одной стороны, не позволяла себе, с другой – была готова к раннему расставанию навсегда, оно не сразило ее своей резкой неожиданностью. Знала – Борькин век давно измерен. И ранний уход – извечное клеймо избранника Небес. Как концлагерный номер. Борьке выдали номерок с небольшой цифрой. Нина разглядела его очень давно. Увидела и испугалась.

Глава 4

Девушка со стаканом…

Так прозвал Юльку незнакомый человек в поезде. Немолодой. Правда, ей тогда все люди старше тридцати казались немолодыми. Небритый – где там бриться в товарняке, куда людей затолкали так, что всю дорогу они стояли плечом к плечу. Грязь, духота, смрад… Вонь немытых человеческих тел… Казалось, что они действительно превратились просто в тела, загадочным, необъяснимым образом продолжающие двигаться, говорить и думать. Но только на время. И не на долгое.

Юлька начинала понимать, как оно отвратительно – человеческое тело. Как грязно, мерзко, противно… И никуда теперь от него не деться… А если ей захочется в туалет? Что тогда?! Сколько еще их будут везти в этом глухом вагоне? Нет, она не могла представить, что можно вот так, прямо на виду у всех, присесть и… Лучше сразу умереть!.. Но почему-то никто не умирал, а все справляли свои дела прямо в вагоне, часто стоя – пошевелиться нельзя, – отчего вонь все усиливалась, делаясь невыносимой.

Голова кружилась, начинали ныть виски. Небритому удалось в этой тесноте присесть на корточки. Или он очень плохо себя чувствовал? Снизу он долго рассматривал Юльку, а потом тихо произнес:

– Девушка со стаканом… Откуда взялась ты, вот такая? И почему не выпускаешь его из рук?

Юлька обозлилась: чего задавать глупые вопросы? Она вообще была оторва, никогда ничего не боялась, смело дралась с соседскими мальчишками, хотя росла под надежной защитой двух двоюродных братьев, готовых дать в морду любому, кто полез бы к их младшей обожаемой сестренке.

– По-моему, здесь все взялись из одного места: из Ростова! – резко заявила Юлька. – Облава шла по всему городу! Меня схватили на рынке. А вы разве не ростовчанин?

Небритый медленно покачал головой. И снова внимательно посмотрел на стакан в ее руке. Дался ему этот стакан!

Сентябрь в Ростове всегда теплый. Но в сорок втором он выдался по-настоящему жарким. Делать ничего не хотелось, мысли постоянно тянулись к Дону, к воде, куда можно окунуться с головой, заплыть как можно дальше от берега и забыть обо всем…

Но в тот день не отпускала от себя книга. Юля читала на террасе «Овода». Ну конечно, на самом интересном месте, когда так хотелось узнать о любви Джеммы и главного героя, мать попросила Юлю сходить на рынок за постным маслом. Спорить с матерью никто не осмеливался: она была резковата, жестка и приказов своих никогда не отменяла.

Юля с тяжелым вздохом отложила книгу в сторону, взяла граненый стакан и рубль и пошла. В сарафанчике и маминых

шлепанцах, как была – базар-то рядом, только улицу перейти.

Торговки кричали, переругиваясь, словно и не существовало никакой войны. Да, впрочем, и сама Юля иногда о ней напрочь забывала. Немцы уже приходили один раз, ну, пришли во второй… Их скоро выгонят. Стоит ли задумываться над этим? Пока война никак не влияла на ее жизнь.

Юля придирчиво и капризно, изображая опытную хозяйку, перепробовала множество ложек масла и наконец выбрала. Ей налили полный стакан. На выходе из рынка ее куда-то вдруг потеснили, оттолкнули, начали кричать полицаи… Юля даже толком не поняла о чем. И ни о чем, конечно, не догадалась. Она дерзко и нахально оттолкнула плечом полицая, пытаясь вырваться. Тот усмехнулся, оглядев ладную дивчину, и крепко взял ее за локоть. Вырваться не удалось. Ладно, обойдется… Какая-нибудь очередная дурацкая проверка. Может, снова ищут бежавших военнопленных, не раз уже исчезавших с железной дороги.

Юлю вместе с гомонящей толпой довели до вокзала, втолкнули в вагон, предназначенный для коров, и повезли. Куда? Зачем? Она ничего не понимала.

Небритый пристально смотрел на нее. Открытый пестрый сарафанчик, разношенные мамины шлепки, две толстенных косы за плечами… И стакан с подсолнечным маслом в руке…

Потом он неожиданно вдруг завел какую-то заунывную,

никому не знакомую песню. Может, сам ее выдумал? Пел он о родине, которую покидал навсегда, о том, как ему хочется жить, как хочется назад, в Россию, на берег Дона, под жаркое родное солнце…

В вагоне начали подпевать, потому что слова повторялись, были очень простыми, легко запоминающимися. Вокруг безмолвно плакали, слезы текли по щекам почти у всех, и все пели: заунывно, тяжело, безнадежно… Неужели все сказанное в песне – правда и никто из них не вернется домой?! Нет, этого не может быть! Небритый и все остальные просто слишком старые, им уже все равно скоро умирать, а Юльке только жить и жить, ей всего четырнадцать…

Юлька почему-то вспомнила свою любимую учительницу литературы. Весной ей исполнилось тридцать лет, она праздновала день рождения шумно, радостно, вся школа поздравляла, ученики несли самодельные незамысловатые подарки и цветы… И вместе со всеми учительница пела. А Юлька смотрела на нее и думала: «Что же тут распевать? Ведь тридцать стукнуло! Это же старость! О смерти думать пора, а у нее песни на уме!»

Поезд шел во Львов, до которого тащились почти четверо суток. Ехали все так же стоя. Плечом к плечу. Без еды и воды. У некоторых оказались с собой вещи: многих взяли из домов, поэтому удалось кое-что наспех прихватить. А в руках у Юли – все тот же стакан. Масло она давно выпила – хотелось есть, – а его берегла и берегла с маниакаль-

ным упорством, как единственный предмет, оставшийся на память о доме. Писать пришлось прямо в трусики, а кишечник от страха все-таки, на ее счастье, парализовало. Юлька ненавидела себя и всех остальных, ни в чем не виноватых и страдающих не меньше, а скорее всего, куда больше, чем она. Но простить ни им, ни себе этого омерзительного запаха не могла.

Девушка со стаканом… Прозвище привязалось, прилипло к ней. Ее долго так и звали. Тот стакан отобрали у Юли уже во Франкфурте-на-Майне, в тюрьме. Значительно позже.

Сначала был лагерь во Львове. Никто тогда даже не поверил, что они наконец добрались до места. Все стояли и молчали, хотя немцы, надсаживаясь и срывая голоса, орали, что пора выходить, теснили людей к выходу.

Юлька вырвалась из вагона первая, растолкав толпу. И застыла. Не может быть…

Ее ослепило львовское, вяло закатывающееся, разгоряченное за день солнце. Вокруг нежной зеленью покачивалась высокая, такая мирная трава, в задумчивом небе замерли, словно обклеванные птицами по краям, кусочки мягких облаков… Юлька бросилась куда-то в сторону от поезда, но немец преградил ей дорогу и указал, куда идти. Наконец-то разрешили сходить в настоящий туалет… Какое это было счастье! И никто не заметил, как он грязен. Потом всех

раздели догола и отправили на дезинфекцию. На самом деле гогочущие немцы попросту обливали привезенных пленных холодной водой из шлангов. Небритый куда-то пропал, и очень хорошо. Почему-то Юле вовсе не хотелось, чтобы он увидел ее голой. А позже самых красивых девчонок начали утаскивать в кусты…

Юля забеспокоилась и в тревоге подошла к какой-то немолодой женщине, с которой ехала в одном вагоне, с неудовольствием искоса посмотрев на ее обрюзгшее рыхлое тело. Неужели и Юлька тоже когда-нибудь станет такая же? Ни за что на свете! Лучше действительно умереть молодой!

Увидев испуганные, отчаянные Юлькины глаза, женщина все поняла без слов.

– Поскорее ищи свои вещи! – шепнула она. – У тебя там что было-то, кроме твоего стакана? Ты чего все его в руке держишь?

– Сарафанчик, – пролепетала потерянная Юля.

– Господи, сарафанчик! – всплеснула руками женщина. – Ладно, не убивайся ты так! Что-нибудь придумаем…

Вместе они начали разыскивать Юлькины вещи, но сарафанчик после «дезинфекции» пропал. Тогда пожилая женщина выдала ей юбку и платок из своих запасов, уговорила какого-то парня подарить Юльке пиджак, кто-то отдал чулки и подвязки… Именно платок – большой, темный, старушечий – и спас Юлю с ее роскошными длинными косами от большой беды. Она постоянно наглухо куталась в него. А ма-

мины шлепанцы отыскались.

Потом Юля никак не могла вспомнить, куда делись те красивые девчонки, которых уволокли, несмотря на их отчаянное сопротивление, в кусты. Ни одна из красавиц не вернулась обратно: то ли их убили, то ли увезли куда-то.

Но в лагере – снова неслыханное счастье! – стали давать есть. Здесь Юля провела около месяца. Зачем их столько здесь держали? Мучили нехорошие мысли, терзали воспоминания о маме, о доме… Вновь появился небритый и опять посмотрел на Юлю странными глазами. Она очень обрадовалась его появлению: значит, он жив, с ним ничего не случилось, и, может быть, ему все же удастся вернуться в Ростов, вопреки пророчеству его унылой песни. Не расставалась теперь Юля и с пожилой женщиной по имени Ульяна Петровна, даже назвала ее про себя «моя мама».

Через месяц Юлю отправили в немецкий город Зост. Вместе со стаканом. Здесь русские пленные расстались. Ульяна Петровна и небритый остались в лагере. Наверное, их собирались отправить с другой партией в другой город. Никто ничего не знал и даже не мог вчерне предположить свою судьбу. Это было самым страшным.

Юля попала в деревушку недалеко от Арнсберга, на военный завод, выпускающий багажники для велосипедов. Начала там работать. Здесь оказалось немало русских девушек, попавших почти так же, как Юля, в облавы или выхваченных из родных домов на Украине, в Белоруссии и России. Хозя-

ин никого не обижал, хорошо кормил, довольно прилично устроил пленных. Выдавал чистое белье, полотенца, одежду, ношеную, но на редкость аккуратную и чистую, даже отглаженную. Может, потому, что у него самого была любимая дочка Вальтраут? Шестиклассница, она отставала по математике…

Юля не раз видела красные, заплаканные глаза немочки. Девочку было жаль. Но когда Юлька узнала причину этих слез, то стала смеяться: ей бы такое горе!

– Тише ты, уймись, ненормальная! Никак со своим стаканом расстаться не можешь! Совсем голову потеряла! – шикнули на нее подруги. – Хозяин дознается, обозлится. Разве можно смеяться над его любимой дочкой? Он ее просто обожает.

И любящему отцу – настоящая любовь всегда догадлива! – пришла в голову неожиданная, на первый взгляд нелепая и необычная мысль.

– Пойди к русским, – посоветовал он дочери. – А вдруг кто-нибудь из них разбирается в теоремах! Я-то ведь тебе ничем помочь не могу: всю жизнь занимаюсь простыми железками. Мать вообще домохозяйка…

Девушки начали помогать Вальтраут. Только ни у одной ничего не получалось – немочка продолжала рыдать над задачами. И тогда вызвалась Юля. То ли она оказалась смелее других, настойчивее, то ли лучше помнила математику, то ли была педагогом от природы… Но она быстро добилась

понимания, общаясь с девочкой на пальцах. Два месяца Юля не работала на заводе – хозяин освободил, – а занималась с хозяйской дочкой. Научилась болтать по-немецки с помощью Вальтраут. Подружились с ней, такой милой и простой, чем-то напоминавшей Юле девчонок с берегов Дона. И стала называть ее Валечкой.

Возможно, Юля оставалась бы с Вальтраут до освобождения: на хозяев жаловаться не приходилось. Чисто, подарки русским на Рождество – полотенца, праздничный стол… На воскресенья давали «увольнительные». Хозяин кормил неплохо. Только вот повариха решила на пленных девочках сэкономить. И как-то раз Юля обнаружила в фасолевом супе странную «шелуху». Присмотрелась и ахнула. Ростовские девчонки небрезгливые, но в супе плавали черви. Этого Юлька вынести не смогла.

– Ты лучше молчи, – советовали подруги. – Ничего страшного, никто из нас не отравился! Даже животы ни разу не болели. А то влипнешь в историю, на свою же голову беду накличешь! Живем ведь хорошо. Когда вот только ты свой дурацкий стакан выкинешь?

Но Юлька заупрямилась, закапризничала – она, в конце концов, не свинья, чтобы жрать помои! – и решила пожаловаться хозяину на червивый суп. Но прежде нужно было узнать у Валечки, как по-немецки «червь». Услышав о червях, не по-немецки экспансивная подруга закричала:

– Не может быть! – и метнулась к повариxе: – Ты чем кор-

мишь русских девочек?!

Глянула – а мясо все покрыто червями. В ужасе Вальтраут опрокинула на землю всю большую кастрюлю и бросилась к отцу.

Больше этого не повторялось. Но вот работать на заводе после того, как Валечка подтянулась по математике и занятия прекратились, оказалось совсем не просто. Вмешалась любовь.

В то время в Германии шла тотальная мобилизация: в армию брали с шестнадцати лет. И как-то Валечка пожаловалась на занятиях русской подруге, что родители ее запирают на ключ, не разрешая встречаться с мальчиком, который ей нравится. А он – солдат и только что приехал на несколько дней с фронта. И Юля отважно предложила:

– Напиши записку, я передам.

Так Юлька стала наперсницей хозяйской дочери: относила письма и устраивала влюбленным свидания. Отчаянная ростовская девчонка, она ничего не боялась. Девушки хорошо понимали друг друга: ровесницы, еще не знающие ни вражды, ни ненависти. Их не смогла разделить даже война. Позже, в Вартбурге, история повторилась с удивительной точностью.

Но хозяин быстро узнал обо всем и запретил дочери видеться с Юлей. Она слышала, как хозяин спросил у дочери:

– Почему ты так часто бегаешь к русским? Что тебя там

так интересует? Это непонятно…

Вальтраут ничего не ответила, но забегать стала все реже и реже. А запирали ее все чаще и чаще… Тогда «учительнице» пришлось вернуться на завод. И тут на нее сразу начали обрушиваться несчастья, одно за другим.

Одна из девушек, работавших на прессе, по неосторожности осталась без двух пальцев. Поэтому бесстрашная Юлька категорически отказалась заменять подругу, попавшую в больницу. Обозлившись на Юлю, мастер поставил ее на электросварку. Обучал русскую он всего один день.

– Разве этого достаточно? – возмутилась Юлька.

Но хитрый немец заявил, что русская очень сообразительная, хорошо знает математику, может сама учить, раз так быстро помогла хозяйской дочери, а значит, один день учебы даст такой девушке очень много.

Все детали, впервые сваренные Юлей самостоятельно, оказались бракованными – четыре ящика. В ответ на ругань мастера Юля ему моментально надерзила. Она не умела сдерживаться и за словом в карман никогда не лезла. Заодно она заявила, что получает слишком мало: двадцать марок в месяц. На других заводах платят больше. И тогда разъяренный мастер несколько раз сильно ударил ее по рукам металлическим прутом. Как потом болели пальцы! Очевидно, они были сломаны. Но теперь было очень непросто обратиться за помощью к Вальтраут… А Валечка наверняка выручила бы из беды, придумала бы что-нибудь.

В довершение всех несчастий Юлю подкараулил у лестницы надзиратель и начал тискать. Перестал выручать спасительный раньше платок… Да и осмелевшая Юля надевала его теперь довольно редко, лишь когда уходила на воскресенья. Она ответила по-русски – звонкой пощечиной. После этого пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы не закричать от боли. Оставался один выход – бежать. Валечка сидела, запертая на ключ.

Юлька быстро договорилась с другой русской девчонкой, Марией, – вдвоем не так страшно. Сбежали они запросто, на рассвете. За ними никто особенно не следил: очевидно, хозяин считал, что бежать им некуда и незачем. Слишком уж это рискованно: в дороге погибнуть – легче легкого.

Но безрассудная Юля никогда никому обид не прощала и не терпела никаких несправедливостей. Знаменитым русским терпением она была обделена. И скрылась, не забыв прихватить с собой пресловутый стакан. Она берегла и лелеяла его и ухитрилась до сих пор не разбить. Жалко было одну только Валечку…

Сначала они с Машей шли вдвоем, потом к ним присоединились еще три русские девушки. Попрошайничали. Ночами мучил холод, от голода болели животы, невыносимо хотелось вымыться хотя бы раз… Свои роскошные косы Юле удавалось расчесывать так редко, что волосы превратились в подобие войлока. Случайные спутницы где-то отстали. Юля не обратила на это никакого внимания. Она сосредоточилась

на одной мысли: выжить, попасть домой, увидеть маму…

Именно тогда Юля стала называть себя Нэлой, а Марию – Эммой. Так было проще и понятнее. И не стесняясь, несмотря на хорошее знание немецкого, объявляла со свойственной ей смелостью всегда обязательно по-русски, с вызовом:

– Я русская! Хочу домой! А есть нечего…

Немцы подавали охотно. Они жалели пленных и врагов в них не видели. Зачем простым людям война? Это Юлька уже отлично усвоила.

Один случай ей запомнился особенно хорошо. Она зашла в магазин, куда однажды уже наведывалась и хозяйка которого прекрасно накормила девушку. И вдруг сегодня с грубым криком выгнала, ничего не дав. Юля шла по улице и плакала от обиды. Неожиданно девушку догнал мальчик, сын хозяйки:

– Эй, рус, на, ешь, только уходи отсюда! Следят! – и сунул булочку…

Наступал сорок третий год.

К середине января, непривычно теплого для России, две маленькие отчаянные беглянки добрались до Вартбурга, где устроились работать. Маша осталась у владелицы булочной. Юлька нанялась к достаточно богатым людям: у них были маленький ресторан, гостиница, колбасный магазинчик. Она мыла там свиней. В четырехэтажном подвале. Опять аккуратно, чисто, можно мыться, свежее белье… И снова, как и

прежде, подружилась с хозяйской дочкой Каролиной.

Но снова этот рок, преследующий Юлю на пути по Германии! Объявилась непрошеная любовь. Бесхитростная, искренняя Каролина, моментально доверившаяся Нэле, открыла ей все свои секреты. Да и секрет-то был всего лишь один – Ганс! Какой еще может быть секрет у пятнадцатилетней девушки? Нэле-Юльке хотелось помочь Каролине, влюбленной в Ганса. Он не нравился хозяйке, и та категорически запретила дочери видеться с ним, когда Ганс ненадолго возвращался с фронта. Нэла с Каролиной разработали целую систему условных знаков: например, отсутствие в доме хозяйки символизировал кувшин на окне.

Позже, конечно, мать Каролины обо всем догадалась, расколотила ни в чем не повинный кувшин и избила Нэлу. Это был единственный случай, когда хозяйка набросилась на прислугу с кулаками. Украдкой от матери Каролина на следующий день пришла к Нэле, принесла батон колбасы и виновато объяснила:

– Мама очень переживает сейчас, прости ее… От брата с фронта уже пять месяцев нет писем…

Там, в Вартбурге, Юлька неожиданно снова встретила небритого: он подошел к ней на улице, когда она мыла из шланга асфальт возле дома. Улыбнулся, приветственно махнул рукой… Постоял, помолчал, спросил:

– А где же стакан? По-прежнему его бережешь?

Он исчез так же таинственно, как и появился. Юля недо-

умевала: почему он спросил только о стакане, почему не рассказал, чем занимается, как сюда попал?…

Небритый появлялся еще пару раз, молча стоял рядом, улыбаясь, и снова пропадал. Он был такой же, как и год назад, но одет довольно чисто и не выглядел голодающим. Он приходил и позже, но не нашел Юльки на привычном месте: ее вскоре арестовали вместе с Марией. Причиной ареста Юля сначала считала взрыв на вокзале.

Знакомые поляки дали ей какую-то коробочку и попросили «забыть» на рельсах. Так, случайно… Она ни о чем не спрашивала… Чуть позже на воздух взлетело четыре состава. Но немцы, как выяснилось, не подозревали о том, чьих рук это дело: иначе в живых Юльке бы не остаться. Все оказалось куда проще и страшнее: донесли двое русских мужчин, стоявших в очереди за хлебом вместе с Нэлой и Эммой. Девушки зачем-то рассказали соотечественникам выдуманную ими на всякий случай версию: якобы их угнали из Винницы, а они сбежали из эшелона. Хорошо еще, что не поведали всей правды…

Мать Каролины сопротивлялась аресту русских пленных, кричала на гестаповцев, не стесняясь в выражениях, но сделать ничего не могла.

Из тюрьмы во Франкфурте-на-Майне Юлька написала Каролине. Подруга прислала ей посылку и одно коротенькое письмо с сообщением: и Ганс, и брат Каролины погибли на русском фронте… Больше писем не было, хотя Нэла их

очень ждала.

Она настойчиво уверяла, что доносчики соврали, что она приехала в Германию добровольно, потому что немцы – хорошие люди. В гестапо им выбили все зубы: и Юле, и Марии. И, с удивлением осмотрев стакан, зачем-то отобрали его. Вероятно, решили, что вещь опасная, осколками можно запросто порезать надзирателя.

Суд вынес решение – четыре месяца штраф-лагеря. Работали под Франкфуртом-на-Майне: обрезали ветки на стволах срубленных деревьев и готовили маскировку из связанных вместе бревен. Только связывали девушки стволы плохо, небрежно, чтобы маскировка потом рассыпалась. Потом был военный завод, где Юле особенно запомнился один немолодой немец, похожий на того, небритого. Немец постоянно, незаметно для других, подкармливал русских девушек: то конфетку сунет, то кусочек хлеба…

В феврале сорок пятого, когда начались сильные бомбежки, пленных погнали в Баден-Баден. По дороге Юлька с подружками снова убежала – ей не привыкать. Попала в американский лагерь, откуда пленных после победы передали русским. Фильтровочные комиссии – одна, другая… Воинская часть под Берлином, где Юля провела несколько месяцев, – шила в мастерской для советской армии.

Жили словно в тюрьме, под строгой охраной. Девчонок точно так же, как немцы во Львове, насиловали, но уже свои. Помогал и прятал девчат от пьяных офицеров добрый за-

кройщик дядя Гриша. Он спас один раз и Юлю, которая плохо прострочила брюки какому-то капитану. Капитан вскочил на лошадь, и брюки на нем разорвались… С криком ворвавшись в мастерскую, разъяренный капитан требовал привести девчонку, но дядя Гриша сказал, что ее сегодня не будет. Тогда капитан стал бить дядю Гришу хлыстом по лицу… Юлька сидела в крохотной каморке в самом дальнем углу мастерской и плакала навзрыд.

Понимание слова «враги» размывалось, становилось нечетким, словно пряталось в глубокой норе, до которой не добраться.

– Люди, Юлечка, все разные… – бормотал дядя Гриша, смывая со лба и щек кровь. – Ничего… Так оно и должно быть.

Возвращение в Ростов тоже радости не принесло. Отец, заместитель главного бухгалтера завода «Ростсельмаш», умер, мать после исчезновения Юли сошла с ума… За младшими братом и сестрой следить было некому. Мальчик пропал без вести… Учиться Юле, как бывшей пленной, не разрешили. И выгнали вместе с сестрой из квартиры. Поселились в сарае. Юля работала на стройке, потом на заводе. Шила на продажу. И как-то – тоже на рынке – встретила небритого…

Увидев Юлю, он остановился и привычно заулыбался. Жизнь брала свое.

– А где же стакан? – спросил он. – Неужели тоже вернулся

к себе на родину?

И Юлька неожиданно заплакала, вспомнив сразу все: умерших отца и мать, пропавшего брата, Валечку и Каролину, дороги Германии, тюрьму и лагерь… Небритый смущенно топтался рядом.

– Прости, – виновато сказал он. – Я не думал, что это так больно… Шутить, видно, тоже надо уметь. Я не умею…

Юлька привязалась к нему, как к последней своей надежде, к единственному родному человеку, желающему ей добра. К единственному свидетелю ее счастья – ведь она была счастлива просто потому, что человек в шестнадцать лет счастлив всегда, хотя бы оттого, что ему шестнадцать. Она не спрашивала, сколько ему лет, где он работает, как провел годы в плену…

Она вышла за него замуж, родились две дочери. Только вот ни нормального жилья, ни хорошей работы получить семья не могла: несмываемым клеймом лежал на них плен. Поэтому постоянно приходилось кочевать с места на место, из города в город. С маленькими детьми и с младшей сестрой Юли.

Наконец та вышла замуж и осталась на Волге. А Юлия долгие годы мечтала еще хоть раз побывать в Германии, увидеть знакомые города и села. И найти подруг юности Каролину и Валечку… И еще стакан, беззлобно посмеивался муж. Он умер, когда младшая дочь, Римма, окончила школу. Но тогда уже у Юлии Ивановны была работа. И жизнь стала дру-

гая, другие пришли времена. Выжили…

А позже старшая, Тамара, выскочила замуж за высокопоставленного чиновника Льва Шурупова и перетащила мать с сестрой в Москву. Хотя ее муж всячески этому сопротивлялся.

Юлия Ивановна иногда говорила дочкам, что любит Германию даже больше, чем Россию. И это понятно: лучшие свои годы, годы юности, она провела там. А что может быть лучше молодости?…

Дочки ей не верили: как можно стремиться туда, где ты сидела в тюрьме? Они еще мало что понимали. И съездить в Германию бывшей Нэле так и не удалось. Да и разве найдешь там теперь тех, кто по сей день живет в твоей памяти…

Глава 5

Когда умерла тетя Римма и маленькая Женька осталась одна, мать заявила отцу, что возьмет племянницу к себе. За дверью родительской комнаты сразу разгорелся скандал. Нина с бабушкой напряженно прислушивались к нему из-за стенки.

– Нет, ну ты все-таки дура! – сердито выговаривал отец. – Зачем тебе еще одна гиря на шею? Нам и одной Нинки хватает с лихвой. Женя еще маленькая, хлопот не оберешься!

– Это мое дело, – неожиданно жестко сказала мать.

– Молодец, – прошептала бабушка. – Молодец, Тамарочка! Так держать! Но пасаран!

Нина удивилась:

– А что это такое – но па…?

– Это значит – они не пройдут! – торжественно объяснила бабушка.

– Кто они?

– Подлецы! Нина задумалась.

В детстве у каждого вначале бесконечно рождаются вопросы – почему да отчего. Хотя самые главные в жизни совсем другие – что такое хорошо и что такое плохо. К сожалению, люди их задают себе очень поздно, а часто вообще не задают.

А в комнате родителей все горячее шумел спор.

– Это моя единственная племянница! – резко и возбужденно говорила мать. – И не взять ее… Да как я потом буду смотреть самой себе в глаза?!

– А ты не смотри! – нагло посоветовал отец. – Смотри только в чужие. Ну, Тома, учти: если ты возьмешь Женьку, я уйду! Мне и так надоело без конца выслушивать нотации твоей выжившей из ума мамаши, обожающей Германию, так еще и малый ребенок на мою зарплату! Она у меня не так уж велика, не рассчитывай. Я уйду! Предупреждаю сразу и честно.

Нина с тревогой посмотрела на бабушку. На ее застывшее белое лицо, похожее на сметанную маску, которую иногда делала себе мать.

– Честный… – прошептала Юлия Ивановна.

– Уходи! – сказала за стеной мать.

– Муж… Отведала и плюнула!.. Тьфу! Молодец, Тамарочка, – прошептала бабушка и заплакала.

Так они остались одни – четыре женщины. И стали жить без отца.

Он платил алименты на Нину – она вызнала у бабушки, что это такое.

– А на Женю разве не надо? – деловито справилась она.

– Женя не его дочь, – пояснила бабушка. – Так что по закону он не обязан.

– Папа живет по закону? – задумчиво спросила Нина.

Бабушка тихо засмеялась.

Нина сразу взяла на себя основную заботу о маленькой сестре. Не потому, что уже тогда осознала, как трудно придется матери – одной тянуть на себе дом, а потому, что ей было интересно. И тотчас занялась двухлетней Женей. Возвращаясь из школы, Нина торопливо обедала и бросалась к сестре.

– Ешь по-человечески! Не глотай, как крокодил! – сердилась бабушка.

Малышка уже нетерпеливо ждала Нину. И начиналась любимая игра.

– Ты сегодня будешь белочкой, хочешь? – предлагала Нина.

Женька преданно кивала, глядя сестре в лицо.

– А я сегодня буду медвежонком, – фантазировала Нина дальше. – Вот идет себе медвежонок по лесу… – И она становилась на четвереньки. – А навстречу ему белочка. Жень, ну давай, иди! И говорит ему…

Так играть девчонки могли часами, никому не мешая. Бабушка посматривала на Нину с благодарностью.

– Звездочки вы мои ясные, – часто говорила бабушка и прижимала к себе Нинину голову с такими же двумя тяжелыми темными косами, какие были когда-то у нее, ростовской девчонки Юльки.

По воскресеньям бабушка обычно пекла любимый всеми пирог-пай. Маленькая Женька, попробовав его впервые,

спросила:

– Бабуля, а я – пай? Нина ответила за бабушку:

– Ты не пай, а прямо вай-вай-вай! Опять суп в обед не доела! – и укоризненно покачала головой. Ей очень нравилось быть старшей.

– Я буду все доедать, – сказала Женька и преданно поглядела на сестру.

Тот год вообще стал суровым испытанием для Нины. Она пошла в первый класс. И вдруг испугалась, смутилась, спасовала перед новой, неведомой доселе жизнью.

Во дворе школы Нину оторвали от мамы, бабушки и Женьки, пришедших проводить ее на первый в жизни урок, и поставили за какой-то очень худенькой, дерганой девочкой, которая все порывалась выскочить из шеренги первоклассников и прижаться к матери. Нине хотелось того же, поэтому она очень понимала незнакомую девочку, но стояла смирно. «Значит, так надо, – думала она. – Так положено… И я буду здесь стоять…»

Прямо в нос ей больно упирался огромный букет гладиолусов этой суетливой девочки, без конца крутившейся на месте. Гомонили мальчишки. Спину непривычно оттягивал ранец. Но Нина словно приросла к своему месту в колонне.

– Марьяшка, стой спокойно! – увещевала вертлявую девочку мать. – Смотри, какая у вас милая учительница! Прямо лучше всех!

Нина тоже посмотрела в ту сторону, куда указывала мама девочки, и поняла, что ей снова повезло. Такой учительницы нет ни у кого на свете! Она такая же красивая, как мама и как была тетя Римма…

Нина искоса взглянула на маленькую Женьку. Та изо всех сил вытягивала шейку, чтобы не потерять сестру из виду. Тетя Римма… Как похожа на нее эта молодая учительница! С таким же нежным, робким румянцем, с отлетающими за плечи завивающимися на концах волосами… «Я буду любить ее всегда!» – вдруг поклялась себе Нина, не отрывая от учительницы восторженных глаз.

Позже она узнала от матери, что Надежде Сергеевне, первой Нининой учительнице, было в ту пору всего-навсего девятнадцать. Она только окончила педучилище и взяла первый в своей жизни класс. Так что они начинали вместе – первачки и их учительница.

Мать была недовольна, что дочку записали в первый «Б». И даже ходила из-за этого к директору школы. Ей почему-то казалось, что вторая буква алфавита не так престижна, как первая.

– Не волнуйтесь, – успокоила ее директор. – Ваша дочка попадет к замечательному педагогу. Хоть она и молодая, но искренне любит детей и отдает им всю себя. Поверьте моему опыту!

Мать поверила. И не ошиблась.

Наконец зазвенел звонок, и классы отправились в здание

школы. Первыми шли «ашки», а потом – «бэшки», как их традиционно и банально называют.

В залитом солнцем классе Надежда Сергеевна (она еще во дворе школы сказала, как ее зовут, и Нина повторила за ней, чтобы не забыть) стала рассаживать всех за парты.

Рядом с Ниной учительница посадила довольно высокого мальчика с жесткими, торчащими вверх волосами. Он моментально дернул Нину за толстенную косу и крикнул:

– Эврика!

– Что значит «эврика»? – спросила озадаченная Нина.

– Значит, открыл. И забыл закрыть…

– А что открыл?

– Как называть классы! Не «ашки» и «бэшки», это уже всем надоело, а намного лучше – «алкоголики» и «бандиты»! Классное деление! – И он снова радостно дернул Нину за косу. Нашел себе развлечение!

– Ты, умник! – сурово сказала ему Нина. – Оставь в покое мои волосы! Больно ведь!

Но мальчик ее в покое оставлять явно не собирался. Наоборот, стал дергать с удвоенной энергией.

Нина терпела долго, но через месяц пожаловалась дома бабушке:

– Этот Борька, который со мной сидит… Он без конца тянет меня за косы.

– А ты дай сдачи, – посоветовала бабушка, бывшая ростовская девчонка-оторва Юлька.

– Сдачи? А как? – удивилась Нина.

Выросшая возле бабушки, ревниво и чрезмерно опекающей внучку, она мало общалась со сверстниками во дворе.

– Да потяни его разок тоже за волосы! – усмехнулась бабушка. – Да посильнее.

Послушная Нина так и сделала. На следующий день, когда Борька резво кинулся к ней на перемене, рассчитывая вдосталь подергать за косы, Нина внезапно резко повернулась и вцепилась всей пятерней в жесткий гребень его волос. Борька растерялся от неожиданности. А Нина старательно и серьезно пригибала его голову к полу, повторяя:

– Будешь еще приставать? Будешь ко мне лезть?

– Отпусти! – не выдержал и заорал красный от злобы и боли Борька.

Но Нина еще не насладилась своей долгожданной местью. Она дотянула Борькину голову до пола и несколько раз злорадно стукнула ею об пол. «Бандиты» молча стояли вокруг, с уважением глядя, как на их глазах растет авторитет Нины и падает Борькин. Особенно торжествовали девочки.

– Так ему и надо! Так и надо! – пронзительно визжала и подпрыгивала Марьяна Дороднова. – Нинка, дай ему еще! Чтобы знал! Чтобы помнил, как к нам приставать!

– Шурупова, пусти! – вновь завопил униженный Борька. – В жисть к тебе больше не притронусь! Отпусти, Шурупыч!

Подошла изумленная Надежда Сергеевна.

– Ниночка, что с тобой?

Багровый Борька пыхтел от боли и стыда.

– Это не со мной, это с ним, – солидно объяснила Нина и выпустила наконец несчастного Борьку. – У него нет уважения к людям. А теперь, может быть, появится… – И она отряхнула руки о платье, словно брезговала Борькиными выдранными волосами.

С того дня они подружились. На всю оставшуюся Борьке жизнь, до того самого кладбища…

– Ты далеко живешь? – спросил он ее после уроков. И увязался провожать.

Алексей никогда не задумывался о том, должны или нет его дети заводить свои семьи. Это их личное дело. Но Ольга почему-то начала рано диктовать и дочери, и сыновьям свои условия. Она постоянно пыталась их привязать, даже приковать к родительскому дому, без которого они якобы даже жить не смогут, усердно внушала им эту мысль. На самом деле это сама Ольга не желала оставаться без детей и не представляла себе такой страшной жизни. Бездумная родительская любовь, нередко превращающаяся в тяжелые оковы для детей…

Время от времени она заводила довольно странные, по мнению Алексея, беседы с дочерью.

– Как хорошо у нас дома! Все дружно, все спокойно, все мирно… А муж? Еще совершенно неизвестно, какой тебе попадется! – Очевидно, Ольга вспоминала при этом своего носатого Костю, родного Аллочкиного отца. – Ты не долж-

на бояться пресловутого женского одиночества – это ничего. Главное – не тратить его, это тихое одиночество, на скверные вещи: гулянки, выпивки, ссоры… А потратить на хорошее – на любимое дело, на своих родных, на помощь им. Ведь мы с отцом стареем…

Алла слушала внимательно, но никогда своего мнения не высказывала – ни за, ни против. Хотя, наверное, у нее нашлись бы кое-какие возражения…

Алексей озадаченно посматривал на жену, но в ее дела не встревал. И в то, что подобная агитация принесет хоть какие-нибудь реальные плоды и серьезные результаты, он не верил. Дочка все равно рано или поздно выскочит замуж, парни женятся… Это обязательно. И привет!

В последнее время жена стала все чаще и чаще удивлять Алексея. Сколько лет прожили рядом, а оказывается, и этого мало, чтобы узнать человека! Правда, Ольга и раньше обнаруживала необъяснимый и непонятный снобизм. Откуда он в ней взялся-то? К тому же в семье строго воздерживались от проявления каких бы то ни было чувств. Ольге почему-то казалось совершенно невозможным просто так подойти и обнять дочь или сына. И дети тоже быстро к этому привыкли. Но родительскую большую любовь ощущали постоянно.

Наконец Алексей догадался, что каждый ребенок для Ольги – прежде всего возможность им руководить, управлять. Это вообще всегда огромный соблазн для властных на-

тур, пусть даже четко сознающих свою ответственность. Жена проявляла невиданный авторитаризм, постоянно жестко внушая детям, что они обязаны любить прежде всего родителей. В сущности, ничего плохого в этой мысли не было, но методы, которыми действовала, добиваясь своих целей, Ольга… Они все больше смущали и настораживали Алексея, но он предпочитал помалкивать и не вмешиваться.

Однажды, увидев в дневнике дочери, отличавшейся плохим почерком, запись «Бедные дети», Ольга – а кто ей вообще давал право читать чужой дневник? – устроила жуткий скандал. Выяснилось, что Алла просто записывала свое мнение о фильме «Дети как дети».

– Да там еще Калягин играет! – кричала Алла. – Что тебе все мерещится, будто я пишу только про нашу семью?

Слишком часто люди видят только то, что желают видеть…

Алешки росли и дружно лелеяли младшего Борьку, который из-за этого непрерывного семейного баловства стал требовательным, капризным и чересчур своевольным. И однажды в школе, куда Акселевича-старшего частенько таскали по поводу безобразий озорного и распущенного младшего сына, на лестнице к Алексею Демьяновичу подошла девочка с необыкновенными косами.

– Здравствуйте! Вы Борин папа? – спросила она. – А я вас жду…

– Меня? – удивился Акселевич-старший и опустился на

корточки возле незнакомой девочки. – Да у вас ведь уроки кончились давным-давно!

Она солидно кивнула. Какие серьезные, недетские глаза…

– И зачем я тебе понадобился?

– Я хотела вам сказать… – девочка потеребила тяжелую темную косу, – хотела вам сказать… что Боря… он очень хороший… Хотя всегда со всеми дерется. Вы его не ругайте сильно, пожалуйста… Он исправится.

Как же, исправится он, жди…

Девочка повернулась и пошла к лестнице.

– Подожди. – Алексей Демьянович шагнул за ней. – Ты кто такая? Тебя как зовут?

Она остановилась, повернулась и вновь глянула сосредоточенными взрослыми глазами.

– Я Нина Шурупова. – И двинулась дальше. Две толстенных косы старательно отмечали каждый ее шаг, равномерно постукивая по ранцу за спиной.

Вечером Алексей Демьянович спросил младшего сына:

– Борис, а кто такая Нина Шурупова?

– А-а, это Шурупыч! – не отворачиваясь от телевизора, отозвался сын. – Мы вместе сидим с первого класса. Про нее еще песня есть.

– Какая песня? – удивился Алексей Демьянович.

– А такая: «Хороший ты парень, Шурупыч…»

– Вообще там, по-моему, говорится «Наташка», – усмехнулся Алексей Демьянович.

– Какая разница! – отмахнулся сын.

Глава 6

Гроб занесли в автобус, и все расселись по машинам. Наконец стало тепло, и кто-то даже попробовал сострить, назвав Леонида, распоряжающегося похоронами, командором автопробега.

Как быстро все проходит на земле… Как легко все забывают люди…

Нина смотрела в окно, на беспощадно посыпанные всякой химической дрянью грязные улицы, и думала, что напрасно не родила от Борьки ребенка. Не потому, что ей сильно хотелось его иметь, а потому, что никто из Борькиных подруг на такое не решился или просто не догадался это сделать. И теперь на земле от Борьки ничего не останется. Равно как от всех Акселевичей: брат и сестра Бориса так и не решились завести себе семьи и детей. А Борьку необходимо было повторить. И много раз…

Хотя Борька на вопросы о потомстве всегда отвечал одинаково, с хитрой ухмылкой:

– Не знаю. Все может быть… И дети тоже…

Потом Нина вдруг подумала, что не знает, зачем его нужно повторять. Больше того, даже не представляет себе характер Бориса в действительности. Жили-жили рядом столько лет, любили-любили друг друга, говорили-говорили, а сейчас она не в состоянии четко и определенно сказать, кто та-

кой Борька. Каким он был. Выходили одни общие, бесцветные, пустые слова, получались затасканные характеристики и надоевшие эпитеты…

«Нина, Нина! – опять придирчиво и строго сказала она себе. – Почему ты не можешь его объяснить? Что ты запомнила и поняла? Неужели совсем ничего? Ужасно, но ты тупица! Это наверняка! Нина! – дала она себе команду, как собачке. – Нина, искать! Ну, вспомни, немедленно вспомни!.. Его слова, его манеры и движения, его улыбку… Ищи, ищи, Нинка!.. Давай, Шурупыч!.. Вспоминай…»

За окном начал падать редкий медленный снег. Наверное, немного потеплело…

А что ей дадут эти воспоминания? Слова, манеры, движения… Когда Нина не знает, что он за человек, тот Борька, с которым они провели столько времени вместе… А знает ли это хоть кто-нибудь?

Нина осторожно оглянулась. Скорее всего, это должна знать тихая Зиночка, но она почему-то не приехала. Тогда кто же? Нина внимательно и недобро осматривала всех сидящих в автобусе: конечно, здесь никто не имеет ни малейшего понятия о Борькиной душе, которая теперь уже далеко, за пределами их досягаемости. Впрочем, она всегда существовала где-то за пределом. Да им и дела до нее в общем-то нет и никогда не было. Похоронить бы тело… У них вполне земные заботы и других просто не может быть. Нина, Нина!..

Долгая дорога до кладбища, встретившего похоронный

автобус таинственной тишиной, свойственной лишь зиме, да нетронутыми сугробами, казалась бесконечной. По пути одна машина пропала: Олег Митрошин, тоже школьный Борькин приятель, вместе с четырьмя бывшими однокашниками, поехал в неизвестном направлении и сгинул вместе со своими «жигулями» без следа.

Могильщики двигались проворно, и все здесь подчинялось им одним. Нина сразу вновь отошла на задний план, стушевалась, затихла, продолжая по-прежнему озираться в поисках Зинаиды. Она ничего не понимала и устала. Быть главной, как недавно, когда все произошло, ей очень надоело.

Гроб снова открыли, и Борька опять иронически ухмыльнулся.

«А что вы теперь будете произносить? Об что речь? – казалось, было написано на его белом лице. – Говорить-то вам, дорогие друзья и подруги, совершенно нечего! А врать… Это особь статья. Врать плохо, а плохо врать – ишшо хуже. И уж если вешаешь людям лапшу на уши, но мечтаешь, чтобы тебе поверили – по крайней мере, не волновайся в этот момент, ври спокойно».

Он оказался абсолютно прав. Сестра стояла у гроба, мелко-мелко кивала Борьке и держалась за деревянный край подрагивающими пальцами.

– Ну вот, ну вот! – шептала она.

Мать на кладбище поехать не смогла. Бывший классный

руководитель срывающимся голосом пробормотал, что все будут стареть, а Борька навсегда останется в памяти молодым, красивым и грустным, дошел до Борькиного возраста Христа, попытался сыграть на прямой и банальной ассоциации и споткнулся. Что следует дальше, он не знал. Бог и Акселевич – это тема, принадлежащая только Зиночке из Симферополя. Но ее здесь нет.

Борька вновь скептически ухмыльнулся. Как трогательно… И здесь ложь! Он никогда не был ни красивым, ни грустным. Скорее резковатым, острым на язык, самоуверенным… Ласковым с женщинами, щедрым на комплименты, умеющим пленять… Такие данные и подробности к нынешнему моменту никак не подходили. Но кто ведает, как нужно их произносить, эти надгробные речи!..

Женщины снова усердно заливались слезами. Не плакала одна Нина. Она пряталась в стороне и неотрывно, прилипнув взглядом, смотрела в могилу, приготовленную для Борьки. Почему-то вспомнился ненавистный еще со школы Некрасов со сказочно-придурочным Морозом Красным Носом и оцепеневшей в зачарованном сне, помешавшейся после похорон мужа Дарьей. Эта картинка на практике оказалась безупречно точной и психологически выверенной. Скованной холодом и безысходностью Нине не хотелось ни двигаться, ни думать. Ей вообще больше ничего не хотелось.

Могила была готова. Сестру осторожно отвели от гроба, и Борьку закрыли крышкой. От стука молотка женщины друж-

но отвернулись, хотя следовало затыкать уши.

– На плечики подняли, на плечики! – бодро командовал могильщик. – А с веночками вперед, пожалуйста!

Странность происходящего завораживала, зачаровывала присутствующих, застывших не от ледяного ветра, а от невозможности поправить случившееся и все переиграть. Бывает ли что-либо страшнее безысходности, одного-единственного варианта?… Очевидно, Борька понимал это лучше других. Вон сколько вокруг «вариантиков»…

Нина вздохнула и тоже отвернулась, спрятав злые, совсем «непохоронные» глаза. Она давно знала, что «альтернативок» много, но столько…

– Сволочь Митрошин! Москвы, что ли, не знает?! – вдруг бешено заорал, сорвавшись, Ленька, вспомнив о приятелях в «жигулях» Олега. – Какие все сволочи! А в морге без очереди бизнесмена пришлось пропускать, поэтому столько ждали! И на тот свет умудряются поскорее пролезть по особому праву! Им некогда, кто посильнее! На Небеса очень торопятся!

– Монетки достали, лучше медные! – командовал могильщик. – Монетки бросаем и каждый по горсточке земли! Каждый по горсточке!

Где теперь найдешь эти медные… Тут и появились пропавшие. Они неслись к свежей могиле по снегу, не разбирая дороги, проваливаясь в заносы, на ходу срывая шапки.

– Сволочи! – опять взорвался Ленькин крик. – Ну какие

же вы сволочи!

– Тихо, тихо! – полуосознанно, равнодушно зашептала Нина, с трудом шагнув вперед. – Тихо, Леня! Вспомни про вчерашний день…

Вчера эти самые сволочи, с восьми утра до позднего вечера, мотались как проклятые вместе с Леней по похоронным делам, забыв обо всем остальном. Они тоже сегодня держались из последних сил.

Минуту все постояли молча. Нина почему-то решила, что Зиночка специально не поехала вместе с ними, а придет немного позже, когда они разойдутся, чтобы остаться с Борькой наедине. Нине хотелось задержаться и увидеть Зиночку, но это невозможно: как она объяснит свое странное желание? Да и кто ей позволит отстать?…

К автобусам шли разрозненно, отчужденно, тянулись неохотно, словно боясь друг друга, плелись между могил по утоптанным снеговым дорожкам, автоматически спотыкаясь взглядами о фамилии оставшихся здесь навсегда. «И не остановиться, и не сменить ноги…» А когда добрели наконец и собирались уже рассаживаться, молоденькая блондиночка с простеньким лицом зарыдала неожиданно бурно, истерически, точно внезапно осознав происходящее. Она плакала, покачиваясь, и стала вдруг падать, но Леня успел подхватить ее в самый последний момент.

– Кто это? – шепотом спрашивали друг у друга.

Блондиночку в дешевенькой шубке абсолютно никто не

знал. Она пришла позже других, держалась особняком и только невидяще таращилась на всех.

Леня пожал плечами, нехорошо блеснув за толстыми стеклами очков черными глазами, готовыми в любой момент к слезам.

– Знаю, что звать ее Алена, больше ничего не известно…

– Ей домой надо, Алене, ее нельзя везти на поминки в таком состоянии, – заговорили обревевшиеся вдовушки.

Они явно обрадовались, что нужно о ком-то заботиться и хоть что-то делать. Из сумочек тут же появились валидол, валокордин, нашатырный спирт. Нина смотрела на их суету с равнодушным презрением, забыв, что она все-таки врач и должна проявлять сострадание и оказывать помощь. Вместо этого Нина машинально пыталась подсчитать, сколько здесь женщин. И прибавляла к ним примерное количество отсутствующих по различным причинам, Зиночку в том числе. Цифра выходила чудовищная. Видимо, Нина все-таки преувеличивала.

Алена таблетки и капли не брала и упорно валилась с ног. Ей явно нравилось страдать. Леня, обняв ее покрепче, повел с помощью Олега к автобусу и усадил рядом с собой. Скорбная вереница двинулась в обратный путь…

На следующий день после знакомства Зиночка пригласила Бориса к себе. Он нисколько не удивился, потому что ждал этого и на это рассчитывал. В передней, когда Зиноч-

ка открыла ему дверь, Акселевича встретила крошечная девчушка лет двух в шляпке и сарафанчике.

– Вот тебе и вот! – задумчиво пробормотал Борька.

– Да! – с некоторым вызовом отозвалась Зина. – Познакомься: моя дочка! Зовут Лялькой.

На «ты» они перешли вчера во время провожания.

Крошка, важно заложив руки за спину, сосредоточенно изучала нового человека. Она была на редкость забавна в своей модной шляпке, из-под которой кудрявились светлые волосы. Такая смешная! Борька скрыл улыбку и наклонился к девчушке:

– Привет! Меня зовут Борис. Ваш покорный слуга…

Он протянул ей ладонь, и кроха серьезно вложила в нее свою малюсенькую ручонку.

– Ляля, – сказала она. – Ты ужинать будешь?

Акселевич поневоле засмеялся. У него почти не было опыта общения с детьми, и в их присутствии он обычно терялся, чувствовал себя возле них неуютно, будто не на своем месте.

– Об что речь… Если ты угостишь.

И кроха отправилась впереди него в комнату, где всех уже ожидал накрытый стол.

– Садись, – сказала она, взбираясь на стул. – Мама, ты тоже. А ты музыку любишь? – И девчушка вновь уставилась на гостя.

– Да как тебе сказать, – замялся Борис. – Это особь

статья… В моем далеком детстве, когда мне было шесть лет, мать отдала меня в музыкальную школу. У меня, к несчастью, обнаружили абсолютный слух и приняли в класс скрипки. Музыкалку я окончил. А после этого навсегда забросил на антресоли свою скрипочку, на которой пропиликал всю свою юную жисть, не решаясь обидеть мать.

– Так ты играешь на скрипке? – живо заинтересовалась Зина, подвигая свой стул поближе к Борькиному. – Надо же…

– Играл, – уточнил он. – Больше не притрагиваюсь. Родительские амбиции и ихнее тщеславие не совпали с моими настроениями и желаниями. Оно часто так бывает. Расскажу тебе одну историю. Она подтверждает версию о том, насколько силен бренд и как давно его изобрели. Это отнюдь не порождение нашего века. К молодому Страдивари, ученику великого Амати, предшественнику Страдивари в деле создания эксклюзивных скрипок, пришел человек и предложил за его скрипку две золотые монеты. Страдивари, изумившись, сказал: «Но за скрипки Николо Амати платят тысячу золотых!.. Или вы считаете, что мои скрипки хуже?» Покупатель ответил: «Если честно – ваши скрипки лучше! Но вы просто не столь знамениты, как Амати. А он известен всем и каждому. На его скрипках красуется его имя. Поэтому ему и платят по тысяче. Я бы и за вашу скрипку дал тысячу – она того стоит, – если бы на ней стояла надпись «Амати». Зиночка улыбнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.